

ДБ
350
1190

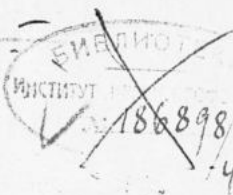
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. И. НЕВСКОГО

ТОМ ВТОРОЙ

~~ГРУППА~~ ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Группа „Освобождение Труда“

в период 1883—1894 г.г.

I.

«Его записка», — говорит черносотенная великосветская дама А. В. Богданович в своем дневнике 29 января 1880 г. по поводу записки графа Игнатьева, — «его записка о нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России. Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает: 1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения, и главное — устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод; 2) снять налог на соль, а чтобы возместить казне эти 12 миллионов, наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары; 3) устроить больше реальных школ; 4) переменить губернские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицеймейстеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить»¹⁾.

Очевидно, давление новых экономических отношений на всю общественную жизнь уже тогда, в начале 80-х годов, было настолько ощутительно, что даже в великосветских салонах обсуждали вопрос об «уничтожении нигилистов» мероприятиями не только полицейского сыска, но и мерами экономического же характера.

Действительно, к концу 70-х годов процесс капиталистического развития России определился уже настолько, что даже самые правочерные народники вынуждены были признаваться, что старый, дорогой их сердцу, общественный строй трещит по швам. Победы капитализма над старинным укладом натурального хозяйства приходилось этим сторонникам самобытного развития России отмечать еще раньше. Так, Николай — он еще в 1870 г. в журнале «Слово», анализируя данные о кредите, признает, что кредит и железные дороги «ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное». Признавая это, Николай — он далее выражается так: «Денежное же хозяйство — хозяйство товарное — есть хозяйство капиталистиче-

¹⁾ «Дневник А. В. Богданович». Три последних самодержца. Стр. 24. Изд. Л. Д. Френкель. Москва, 1924 г.

ское; следовательно, и кредит и железные дороги ускоряют переворот хозяйственных условий производства, при которых производители являются собственниками орудий производства, в такие условия, где производители становятся наемными рабочими» ¹⁾).

Мало того, тот же самый Николай — он в другом месте той же работы, откуда взята только что приведенная цитата, с грустью заявляет, что даже в земледелии, где растет и цветет милая народническому сердцу русская община, «... течение капиталистическое, однако, видимо пересиливает».

Нечего говорить о том, что если даже такие люди, как Николай — он, вынуждены были признавать неумолимые факты жизни, то наблюдатели более внимательные и вдумчивые, как, например, Плеханов, еще будучи народником, как увидим ниже, старались не только упрямо твердить заученные народнические формулы, но, наблюдая новые факты экономической эволюции России, пытались осмыслить их и сделать из них, быть может, и не согласные с своей теорией, но логически неизбежные выводы.

А факты эти, а это «течение капиталистическое», действительно, ломало те, казалось, незыблемые устои, на каких люди, подобные Николаю — он'у, пытались построить новый мир всеобщего братства и счастья.

Было бы напрасной тратой времени доказывать ту мысль, что, несмотря на тяжелый кризис 80-х годов, охвативший всю Европу, включая и Россию, русский капитализм продолжал свое победное шествие вперед: все это основательно доказано в многочисленных работах и частного и общего характера, — в бесчисленных земско-статистических исследованиях, в трудах того же Николая — он'а и В. В. и, наконец, в таких исследованиях, как работы Туган-Барановского и В. Ильина-Ленина (1).

Гораздо важнее подчеркнуть, что уже тогда, в конце 70-х и начале 80-х годов, это давление изменившихся экономических условий начинали чувствовать все группы и классы населения, реагируя каждый по-своему на новые явления хозяйственной жизни.

Класс крупных земельных собственников, не отдавая себе отчета, что за процесс совершается пред его глазами, в лице таких своих представителей, как граф Игнатъев и его присные, одной рукой сочинял проекты «уничтожения нигилистов», а другой отсыпал щедрые подачки классу капиталистов и мечтал о прекращении голода путем организации ирригационных работ.

Огромная крестьянская масса, жившая, по мнению народников, старыми «устоями», под невыносимой тяжестью пут этих феодально-крепостнических устоев, с одной стороны, и под новым капиталистическим прессом — с другой, глухо волновалась и бунтовала. Но это движение носителя общинных заветов было, за очень редким исключением, стихийным и неорганизованным; нагайкой и свинцом отвечали графы Игнатъевы на эти разрозненные попытки нищающего и обездоленного крестьянства.

Как же относился ко всем этим фактам, — торжествующему шествию капитализма вперед, реакционным попыткам правительства «уничтожить

¹⁾ Цитирую по «Нашим разногласиям» Г. В. Плеханова, стр. 275 и 279, I том соч. изд. Госизд. Петербург, 1920 г.

нигилистов» при помощи ирригационных работ и помощи русской буржуазии, и, наконец, стихийному брожению крестьянства, как относился ко всему этому новый класс, созданный тем же самым капитализмом, которого этот новый класс как будто бы не хотел признавать, как относился к этой новой жизни класс мелкой городской буржуазии, — все эти идеологи, вся это мелко-буржуазная интеллигенция 70-х и 80-х годов?

Ведь к концу 70-х годов этот класс в России становится уже настолько значительным фактором, что его замечают и отмечают решительно все вдумчивые наблюдатели русской жизни и в первую голову сами представители этого класса. В самом деле, если в 50-е и 60-е годы городская мелкая буржуазия нового капиталистического общества только еще формировалась, если только очень проницательные наблюдатели умели выделить типические фигуры из пестрой толпы, появившейся в наших городах, если Молотовы, Кирсановы и Лопуховы в 60-е годы были сравнительно новым явлением, «новыми людьми», то к концу 70-х годов и в особенности в 80-е и 90-е годы это уже был многочисленный класс, с бесконечным множеством групп и слоев, но в общем и целом многочисленный класс, созданный и необходимый растущему капиталистическому государству. Этому капиталистическому обществу, этому промышленному и торговому капиталу нужны были не только рабочие и крестьянство, поставлявшее этих рабочих, ему была нужна и целая армия людей свободных и полусвободных профессий, — инженеры, техники, агрономы, юристы, конторщики, бухгалтеры, счетоводы, статистики, ученые, приказчики, наконец, просто развитые и интеллигентные надсмотрщики, — вся эта бесконечно разнообразная толпа всяческих квалификаций, навыков, выучки и умения, без которой не может двигаться капиталистический аппарат в своих фабриках, заводах, конторах, бюро, банках, словом, в сотнях и тысячах учреждений, где требуются, на-ряду с забитыми рабами, и интеллигентные представители труда.

Этот любопытный и поучительный процесс образования и формирования во второй половине XIX века класса мелкой и средней буржуазии еще ждет своего исследователя, но и без того следы его образования и его влияние на русскую жизнь мы замечаем повсюду.

В этом отношении очень важны, например, те изменения, какие можно наблюдать на поверхности политической жизни России в течение всего XIX века — изменения в составе русской революционной интеллигенции. Петрашевцы уже очень сильно отличаются от декабристов. Среди петрашевцев дворяне-помещики составляли уже ничтожное меньшинство, здесь преобладают уже дети чиновников, разночинцы, среди них имеются уже и представители мещанства. По мере развития буржуазно-капиталистических отношений ряды революционной интеллигенции пополняются новыми людьми — поповичами, мелкими чиновниками, мещанами. Революционные организации 60-х годов очень характерны в этом отношении. В 70-х годах этот процесс пошел еще дальше: в процессах 193-х и 50-ти «новые люди» — мелкие чиновники, разночинцы, мещане составляют уже большинство. На скамье подсудимых появляется крестьянин и даже рабочий.

Вытеснение этого слоя представителями пролетариата, это—еще более поздний процесс, яркий и заметный уже с 90-х годов прошлого века ¹⁾).

Совершенно не играет существенной роли, что в те или другие моменты революционной борьбы 60-х и 70-х годов яркими идеологами революционной интеллигенции являлись не представители мелкой буржуазии, — в общем и целом тот слой идеологов, революционеров 70-х и 80-х годов, который с таким блеском и шумом выступил на историческую арену, все же был слой нового класса, класса мелкой и средней буржуазии. Как мы это увидим ниже, этим обстоятельством и объясняется очень многое в действии, в борьбе и в идеологии этих «новых людей» старой царской России.

Как же отнесся этот слой, эти идеологи к тем пертурбациям, какие переживала в то время Россия, к тем изменениям, какие испытывала русская жизнь под давлением развивающегося капитализма?

Известно, что теоретики, народники-экономисты, признавая факт развития российского капитализма, были, однако, глубоко убеждены, что России суждено развиваться по своим особенным, свойственным только ей, законам.

Рельефно выразился этот взгляд в словах того же Николая — он'а, который, правда, уже в 90-х годах, с отчаянием восклицал: «Наше историческое прошлое оставило нам в наследство общину, которая под давлением капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но, вместе с тем, общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства» ²⁾).

Таким образом, капитализм, это — факт, он разрушает общину, и все-таки... только эта община есть основа нашего общественного хозяйства.

Так рассуждал, как известно, не только один Николай — он, так рассуждал подавляющее большинство народников 70-х годов, так рассуждал Бакунин, родоначальник нашего русского бунтарства, идейный отец наших бунтарей-народников 70-х годов.

Это воззрение русских революционеров народников на русскую общину, как на исходный пункт прогрессивного экономического развития России, которое приведет нашу страну, минуя стадию капитализма, к светлomu царству коммунизма, и на общинника-крестьянина, как носителя коммунистических идей, это воззрение и вытекающие из него последствия в области революционной практики достаточно известны и в высшей степени хорошо охарактеризованы самими деятелями эпохи 70-х годов (Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, Н. А. Морозов, Л. Г. Дейч и многие другие).

---

¹⁾ См. по этому вопросу у М. Н. Покровского в IV томе его истории, а также наши «Очерки по истории Р. К. П.», т. I, изд. «Прибой», Ленинград, 1924 г., стр. 83 и дальше.

²⁾ См. Николай—он. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». П. 1893 г.

Мы не будем останавливаться на характеристике этого мировоззрения, нас интересует эволюция этого мировоззрения к народовольчеству и социал-демократии. Но прежде чем обратиться к этому вопросу, необходимо вспомнить, что уже в 70-е годы все тот же неумолимый экономический процесс вместе с созданием крупной и мелкой буржуазии создавал и их антипода—пролетариат, и что представители этого класса точно так же начинают появляться на арене политической борьбы. Правда, они появляются в виде исключения, они не характерные, не типичные деятели революционной драмы 70-х и 80-х годов; на авансцене политической борьбы попрежнему действуют «критически-мыслящие личности» мелко-буржуазной интеллигенции, но они, представители пролетариата, все чаще и чаще дают о себе знать, они уже тогда выявляют себя как яркие и талантливые представители армии, борющейся с самодержавием, и, что самое главное, они уже тогда выступают с совершенно особенной, необычной, идущей вразрез со всеми народническими традициями программой.

Читатель понимает, что речь идет о «Южно-российском союзе рабочих» Е. О. Заславского и в особенности о «Северно-русском союзе» В. Обнорского и С. Халтурина.

В программе, выработанной Е. О. Заславским, говорится о том, что союз объединяет рабочих «для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком»¹⁾, а программа «Северно-русского рабочего союза» ясно и определенно солидаризировалась с социально-демократическими партиями Запада и, ставя своей задачей «ниспровержение существующего политического и экономического строя», выдвигала достижение таких требований, как представительный образ правления, как свобода слова, собраний, союзов и т. п., словом, выдвигала необходимость политической борьбы за политическую свободу.

Эта последняя программа настолько отличалась от народнической, землевольческой программы, что, как известно, встретила довольно суровый прием со стороны землевольцев, стоявших на утопической позиции — немедленной социальной революции и отвергавших борьбу за политическую свободу на том основании, что экономическая революция, которую совершат народники, будет иметь своим неизбежным следствием и политический переворот.

Новый слой, пролетарские элементы, вошедшие в движение в 70-е годы, привнесли, стало быть, и новые идеологические моменты в ту теоретическую концепцию, которая была выработана всем предшествующим революционным периодом.

Таким образом еще задолго до раскола партии «Земля и Воля» среди революционеров-народников существовали такие элементы, которые свидетельствовали о наличии условий, подготовивших раскол.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что условия этого раскола подготовлялись давно и постепенно, и что эволюцию взглядов переживали не только В. Обнорский и С. Халтурин, но и другие народники.

---

¹⁾ См. программу союза в наших «Очерках по истории Р. К. П.», т. I, приложение.

II.

Эволюция взглядов Плеханова прослежена довольно хорошо, и нам здесь остается только кратко повторить, что уже сделано другими исследователями отчасти в давно вышедших работах, отчасти в недавно появившихся исследованиях ¹⁾.

Еще в начале 1879 г. Плеханов дал статью в третьем номере нелегального журнала «Земля и Воля» (№ 3, январь 1879 г.) под заглавием «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России».

Соглашаясь с положением Маркса, что коль скоро общество напало на след естественного закона своего развития, оно уже не в состоянии ни миновать этих форм своего развития, ни изменить их каким бы то ни было путем, Плеханов дальше рассуждает так: на Западе общество уже напало на след естественного закона своего развития, и это произошло именно тогда, когда там разрушалась община, и ей на смену появилась сначала феодальная, а затем и буржуазная частная собственность. Общинный принцип был замещен индивидуализмом, а этот последний по внутренней необходимости своего развития подкопал феодализм с помощью капитала и могучих средств, которыми капитал владел. Но этот же самый индивидуализм в силу внутренних своих противоречий, которые наиболее ярко выступают в капитализме, подготавливает и гибель буржуазного строя.

Сама техника производства подготавливает людей к коллективизму, соединяя огромные массы рабочих в заводах и фабриках, воспитывая в рабочих массах общие привычки и дух солидарности и борьбы. Таким образом на Западе капитализм был естественным предшественником социализма... «Но,—заявляет далее Плеханов,—мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно другой, если бы община не пала там преждевременно». Пояснивши затем, в чем заключается принцип общинного землевладения, Плеханов утверждает, что у нас община не пала, сохранилась и заключает в себе предпосылки к непосредственному переходу в социализм. «Поэтому,—говорит Плеханов,—пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса».

Развивши далее обычные народнические взгляды, Плеханов делает вывод, что перед партией «Земля и Воля» стоят те же самые задачи, разрешить которые пытались «титаны народно-революционной обороны», — Булавин, Разин и Пугачев.

Как видно отсюда, Плеханов, признавая основные положения учения Маркса, будучи последователем его теории, когда речь шла о Западе, оставался утопистом-социалистом, как только речь заходила о России.

---

¹⁾ См. Ю. Стеклов. «Историческая подготовка русской социал-демократии», «Борцы за социализм». Москва, 1919 г. «Эволюция чернопередельчества».

Особенно, В. Ваганян. «Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму» «Под знаменем марксизма», 1923 г., №№ 2—3 и далее № 6—7, № 8—9, № 10 и № 11—12.

См. также литературу о «Черном переделе» в наших «Очерках по истории Р. К. П.», стр. 553.

Правда, никто лучше Плеханова не понимал того огромного значения, какое капитализм мог иметь даже в России для революционного движения, но это все же не мешало ему стоять попрежнему наполовину на утопической позиции. Он еще твердо держится того Бакунинского взгляда, что Россия может перескочить через капитализм прямо от общины в светлое царство социализма. У Плеханова, как он сам характеризует свое мировоззрение 70-х годов, мирно уживались рядом с материалистическими взглядами Маркса чисто идеалистические взгляды Бакунина и Лаврова ¹⁾).

Взгляды эти, однако, постепенно изменялись и уже через год после статей, напечатанных в «Земле и Воле», в двух новых статьях Плеханов возвращается опять к этому вопросу об общине и о путях экономического развития России. Мы разумеем его статью в первом номере журнала «Черный Передел» и статью об общине в январской книжке «Русского Богатства» 1880 г. Здесь мы попрежнему встречаем эту смесь положений Маркса с положениями чистого народничества. Он признает, что экономические отношения являются основой всех остальных, что они являются коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но «и умственного и нравственного склада его членов»; считая вместе с тем, что основы революционного народничества остаются незыблемыми, Плеханов, однако, не так уже категорически настаивает на способности русской общины послужить исходной точкой дальнейшего прогрессивного развития. Больше того, он признает, что «при известной комбинации отрицательных влияний» разрушение общины, действительно, неизбежно. Разрушение общины было неизбежным фактом на Западе, для России это считалось необязательным; теперь же, задавая себе этот вопрос, в своем ответе он не исключает возможности, что и в России община исчезнет. Правда, на Западе община исчезла давно, еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности, в России же, если община и погибнет, то погибнет, «повидимому, уже в борьбе с капитализмом».

Эти взгляды уже трудно было согласовать со старыми взглядами, целиком взятыми у Бакунина, который, разделяя материалистическую теорию Маркса, делал из этой теории тот вывод, что революционерам нет никакого дела до политики.

Между тем Плеханов, рассуждая об исчезновении общины в борьбе с капитализмом, видит в самом капитализме зародыши будущего социалистического строя. «Капитализм,—говорит он,—подготавливает почву социализму и является его необходимым предшественником».

Раз так, то стоило только принять положение, что и в России налицо крупно-капиталистическое развитие хозяйства, как отсюда вытекали сами собой довольно ясные политические выводы.

Но Плеханов, сам много работавший среди пролетариата, еще в статье № 4 «Земли и Воли» (февраль 1879 г.) признавал, «что наши крупные промышленные центры представляют нам скопления десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда», и что агитация и организация среди пролетариата является насущнейшей задачей народников. Предположить же

---

¹⁾ См. его «Предисловие к русскому изданию» Туна «История революционного движения в России». Петербург. Изд. Рутенберг, 1906 г.

хотя бы возможность исчезновения общины в борьбе с капитализмом, знать, что в наших промышленных центрах скопляются новые могучие революционные силы, сотни тысяч рабочих, это означало признать уже многое из того, что с неизбежностью должно было привести к марксизму. Если же прибавить к этому тот практический опыт, какой проделали в рабочей среде Плеханов и его товарищи, то станет понятным, что необходим был чисто внешний толчок, чтобы в корне пересмотреть свои взгляды.

Сам Плеханов считает «марксистские» взгляды чернопеределъцев «марксистскими» взглядами Бакунина.

«Их марксистская точка зрения,—говорит он,—на самом деле была не более, как точкой зрения Бакунина» ¹⁾.

Этот взгляд Плеханова на свою собственную эволюцию можно принять с известным ограничением. Не все чернопеределъцы и не в течение всего чернопеределъческого периода держались точки зрения, только что охарактеризованной словами Плеханова.

Уже осенью 1880 г. во взглядах Плеханова замечается дальнейшее уклонение от ортодоксальных взглядов Бакунина и как раз по самому основному вопросу, по вопросу о политической борьбе.

Раз мыслимо исчезновение общины в борьбе с капитализмом, раз возможно развитие этого самого капитализма, то мыслимо и то общественно-политическое развитие, которое неизбежно на основе капиталистических отношений. Плеханов так и ставит вопрос, говоря о том, что «общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство, и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае Гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина». Но возможен и другой исход: переход власти к буржуазии, буржуазная революция. Как же относится к этой буржуазной революции Плеханов, все так же отрицательно, как относились народники? Далеко нет. Вот что он говорит по этому поводу: «Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь — желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место». Говоря далее, что на этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди России, Плеханов призывает не забывать и о конечной цели революции — социализме.

Так думал Плеханов в сентябре 1880 г., а уже менее, чем через полгода, он выражается еще яснее и определеннее. В своем письме в редакцию «Черного Передела», напечатанном в третьем номере этого журнала (т.-е. в марте 1881 г.), Плеханов пишет: «Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положения и, растерянно озираясь, он ищет поддержки».

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какую ценою и где найдет он эту поддержку. Вырастая под его покровительством, вскормленная его

¹⁾ См. предисловие к «Истории революционного движения в России» Туна. Петербург, 1906 г., Изд. Рутенберга, стр. 20.

заботами, наша буржуазия начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение, и, вчерашняя раба, она подсаживает сегодня программу «мирного развития», а на завтра готовится взять в свои руки все управление государством.

Не политической агитацией в так называемом «обществе» можно, если не отвратить, то сократить ее господство. Общество — не народ. В огромном большинстве своих представителей — оно эксплуататор народа, верхний европеизированный слой той самой буржуазии, против которой мы должны бороться. Приблизить час ее падения могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации.

Поэтому задача «Черного Передела» может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда».

Как видно из этого отрывка, разница между этими воззрениями Плеханова и воззрениями, идеалом которых еще два или год назад были титаны народно-революционной обороны Пугачев, Разин и Булавин, — огромная.

Когда Плеханов и его товарищи Стефанович, Дейч, Засулич, в начале 1880 г., спасаясь от преследований полиции, переходили границу, их взгляды еще оставались старыми. «В идейном отношении, — говорит Плеханов, — мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору»¹⁾.

Но стоило только Плеханову за границей поближе из первоисточника познакомиться с идеями научного социализма, как это ортодоксальное народническое мирозерцание потерпело крах.

«Чем более знакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество, как со стороны т е о р и и, так и со стороны п р а к т и к и. По крайней мере, о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера «Черного Передела», т.-е. летом того же 1880 г., я был уже едва ли не наполовину с о ц и а л - д е м о к р а т о м»²⁾.

Но мы видели, что это превращение народника Плеханова наполовину в социал-демократа могло совершиться только потому, что еще задолго до выхода этого второго номера «Черного Передела» взгляды Плеханова изменяются в двух самых существенных пунктах народнической теории, — по вопросу об общине, о ее способности стать исходной точкой дальнейшего развития и по вопросу о роли, значении пролетариата в революции; действительно, Плеханов уехал за границу в начале 1880 г., а в начале же этого

¹⁾ Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли». «Искра», № 54.

²⁾ Там же.

года, именно в январе, в первой и затем во второй книжке «Русского Богатства» появилась статья Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее», та самая статья, в которой высказывались соображения, что и в России община может исчезнуть в борьбе с капитализмом, и что в таком случае исходную точку дальнейшего развития нужно искать не в общине, а в чем-то другом, именно в том самом капитализме, который несет вместе с отрицательными явлениями и борьбу пролетариата за свое освобождение.

Стало быть, с одной стороны по вопросу о политической борьбе не так уж далеко был Плеханов по своим взглядам от народолюбцев в те времена, и, стало быть, причины разделения «Земли и Воли» в 1879 г. на две фракции лежали где-то глубже, чем это кажется с первого взгляда; а с другой стороны, январь 1880 г., когда была напечатана статья об общине, не так уж далек от лета 1879 г., когда произошел разрыв, тем более, что ведь не явились же взгляды Плеханова об исчезновении общины внезапно, как Венера из пены морской.

Прежде чем ответить, в чем тут дело, обратимся к другой интересной фигуре группы «Освобождение Труда» — П. Б. Аксельроду, и проследим его эволюцию.

III.

Аксельрод подробно рассказывает об этой эволюции в первом томе своих воспоминаний.

По его словам выходит так, что, оставаясь до первого марта 1881 г. все еще непримиримыми народниками, чернопередельцы после первого марта 1881 г. и в России и за границей настолько изменили свои взгляды по вопросу о политической борьбе, что только второстепенное значение какое придавали народолюбцы работе среди пролетариата, мешало чернопередельцам соединиться со своими старыми товарищами ¹⁾.

Необходимо проследить, каким же путем, в каких пунктах старого народнического мировоззрения произошел сдвиг во взглядах Аксельрода, приведший его к такой эволюции, какую он переживал в период первого марта 1881 г.

Еще за полгода до раскола «Земли и Воли», именно в конце 1878 г., Аксельрод написал статью: «Переходный момент нашей партии» (напечатана в 8—9-м номере «Общины») (2). В это время партия «Земля и Воля» переживала кризис, переходный момент, когда все увидели, что те надежды, какие возлагались на поселения в народе, в деревне, не оправдались. Известно, что неудача, постигшая народников, зависела не столько от преследований правительства, сколько прежде всего от того, что мелкий собственник, крестьянин, охотно слушая агитаторов народников о прирезке земли, о ненужности царя и даже бога, переставал понимать народника, когда тот ему рисовал райское житье при коммунизме и коллективном владении землей ²⁾.

¹⁾ П. Б. Аксельрод. «Пережитое и передуманное». Берлин, 1923 г., т. I, стр. 385.

²⁾ См. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х г.г., а также Предисловие Плеханова к Туноу: «История револ. движ. в России», стр. 35.

Ясно, что тяжелые неудачи, постигшие народников, заставили их критически взглянуть на весь предшествующий период своей деятельности. Мы имеем многочисленные свидетельства о результатах этого пересмотра, и в них, как в зеркале, отражаются те социально-экономические группировки и отношения, какие воздействовали на самих народников. Такие деятели, как Стефанович и Степняк, видели причину своих неудач в том, что народники безоговорочно переносили идеи и приемы борьбы западно-европейских социалистов на русскую почву. Между тем, русский народ, крестьянство не может воспринять эти идеи, они чужды ему; русский крестьянин темен, верит в бога, возлагает свои надежды на царя; но это, однако, не означает, что он безнадежен в смысле усвоения идей социализма. Дело в том, что в самом народе существуют социалистические черты, воспитанные его тысячелетней общинной жизнью. Эти социалистические черты — убеждение, что земля ничья, что она принадлежит тем, кто ее обрабатывает, т.-е. народу, и ненависть к государству. Вот эти-то черты и есть то, что должно лечь в основу программы русских социалистов, это и есть то народное знамя, под которое должны стать и русские социалисты. Отсюда вытекают и те цели, которые должны поставить себе русские социалисты: 1) переход частной земельной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время, 2) самостоятельность мирских громад в управлении всеми общественными делами, т.-е. уничтожение государства. Вот две великие народные задачи, которые станут задачами настоящего времени и всех русских социалистов, если они захотят встать в условия жизни своего народа. Так разрешал вопрос Стефанович в своей статье «Наши задачи на селе»¹⁾, и мы видим, что это все та же старая Бакунинская точка зрения, отрицавшая значение политического момента в предстоящей революции. Точно так же по этому вопросу высказался и Степняк, провозгласивший, что главная причина неудач заключается в том, что идеи и приемы западно-европейского социализма безоговорочно переносились на русскую почву, и что пора «сбросить с социализма его немецкое платье и одеть его в сермягу».

Так или почти так ставили вопрос и многие другие. Когда зимой 1877 — 1878 года народники съехались в Петербурге и когда под влиянием происшедшего возбуждения в обществе (после выстрела Веры Засулич) было приступлено к пересмотру программы, основы ее остались неизменны: «экономическое освобождение народа при посредстве народа, как необходимое условие реализации политической свободы»²⁾. Но тогда же, по предложению В. Осинского, был поставлен и новый вопрос — вопрос политический.

Как известно, этот новый вопрос был разрешен не в пользу Осинского, но знаменательно то, что рассказывает О. В. Аптекман о попытках Осинского провести признание политической борьбы контрабандным путем, когда он предложил несколько раньше напечатать в землевольческой типографии прокламацию киевских конституционалистов к русскому обществу

¹⁾ Ст. была напечатана в «Общине», № 8—9, 1878 г.

²⁾ О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля»—70-х г.г.». Петр., изд. «Колос», стр. 294.

и его предложение совместно с ними издавать революционный орган. Второе из этих предложений было отвергнуто категорически, а по поводу напечатания листка было вынесено компромиссное решение, — напечатать, но заявить, что народники не солидарны с развиваемыми в листке взглядами.

Стало быть, не так уж благополучно обстояло дело с тем необыкновенным согласием во взглядах, о котором говорят почти все деятели 70-х годов: логика вещей и ход экономического развития заставляли уже тогда, уже в 1878 году, многих народников ставить вопрос о борьбе политической. А этот ход вещей сводился к тому, что буржуазия, крепнущая и организующаяся, выдвигала на очередь дня вопрос о конституции: об этом свидетельствует «Летучий Листок» (3), написанный Михайловским, об этом говорили земские адреса в Харькове, Полтаве и Орле, об этом свидетельствовало и возбуждение среди учащейся молодежи, этом авангарде мелкой и средней буржуазии, настроение студентов и курсисток, наперебой, как свидетельствует Плеханов, предлагавших свои услуги революционерам ¹⁾, об этом, наконец, говорила и попытка земцев-либералов столкнуться с землевольцами (предложение Ювенальева и Осинского). В. Осинский, предлагая народникам договориться с либералами, только лучше, только полнее других отражал буржуазную, политическую сущность тогдашнего революционного и оппозиционного движения. Т. Дейч в своей печатаемой ниже статье говорит, что склонность южных бунтарей прибегать к актам «дезорганизаторской» деятельности, т.-е. попросту к формам борьбы политической, зародилась на юге раньше вследствие особых специфических условий (этнографический состав населения, близость трех университетов, прошла история юго-западного края и т. п.); может быть это и так (хотя, чем меньше могли влиять на северян больше десятка высших учебных заведений Петербурга и Москвы, отстоящих друг от друга на 600 верст, не ясно), но дело не в этом, дело в том, что если бы даже В. Осинский или кто-нибудь другой из южан-революционеров не поставил вопроса о политической борьбе зимой 1878 г., он был бы поставлен северянами или восточниками или западниками, ибо он был поставлен самой жизнью, а подавляющее большинство народников-революционеров хотя и исповедывали евангелие утопического социализма, были по самой природе своей буржуазными революционерами, радикалами в европейском смысле этого слова, как выразился Плеханов о Желябове. Они выражали интересы организующейся и добывающейся конституции буржуазии, но, выражая эти стремления, они были представителями левого крыла этой буржуазии, якобинского ее крыла, и в этом их бессмертная заслуга. Доказательства в пользу этого мнения мы приведем ниже. Стало быть, уже в недрах самой «Земли и Воли», в силу классового состава действующих лиц, существовали причины, которые привели к расколу на съезде 1879 г. Там на съезде только определилось два течения, — одно, которое потом вылилось в настоящее буржуазно-конституционное течение 80-х годов и эволюционировало от мелко-буржуазного утопического социализма к либеральной буржуазии, и другое, которое эволюционировало

¹⁾ Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». В «Соц.-Дем.» Плеханова, №№ 3 и 4, и затем русские издания.

от того же мелко-буржуазного утопического, крестьянского социализма к социализму пролетарскому, научному.

Но прежде чем привести этому доказательства, посмотрим, как же реагировал другой основоположник группы «Освобождение Труда» П. Б. Аксельрод на кризис в своей партии.

Рассматривая в своей статье историю предшествующего периода, Аксельрод находит много ошибок в прошлой деятельности народников и подчеркивает, что главная ошибка заключается в якобинском взгляде на народ, взгляде, по которому народ только материал для революционера. «Анархистам же,—продолжает он,—пришлось посмотреть на народ не как на пушечное мясо, а как на силу, призванную на великое дело сознательного разрушения существующего строя и столь же сознательного созидания нового порядка на совершенно новых основаниях»¹). Кроме этой, так сказать, теоретической ошибки была совершена и ошибка практическая: за дело пропаганды и организации народа взялась неподготовленная молодежь, ожидавшая быстрых и блестящих успехов там, где требуется работа целых поколений. Отсюда следовала еще одна ошибка, именно, что революционная деятельность представлялась не как нечто сложное, состоящее из разнообразных функций, а как однородная деятельность пропаганды и агитации в народе. Критикуя прошлую деятельность в народе, Аксельрод выдвигает следующие положения: 1) целесообразное распределение сил и объединение этих сил, 2) организация местных народно-социалистических партий, 3) организация масс и выработка убежденных социалистов из народа и 4) организация социалистической прессы.

Но все эти положения представляют мало интереса, ибо везде почти во всей статье Аксельрод остается типичным бакунистом-анархистом; только в двух примечательных местах своей работы он протестует против установившихся ходячих мнений, вооружается против мнения Стефановича, что народникам повредило подражание западно-европейским социалистам; как раз наоборот,—утверждает он,—именно незнание с методами борьбы западно-европейских социалистов и является причиной зла; далее он высказывается и против другого основного положения Стефановича, взятого последним у Бакунина, а именно, что общинные идеалы русских крестьянских масс и суть идеалы современного социализма. Он обращает внимание своих товарищей как раз на то обстоятельство, «что самый принцип общинного землевладения может весьма легко выродиться во взаимную конкуренцию общин и в новый вид монополевой собственности, придав в то же время государственному строю такую устойчивость (в смысле консервативном), о какой современные государства и мечтать не смеют»²).

Это указание на опыт западно-европейских социалистических партий, как на образец революционной работы среди масс, и скептицизм к неизбежности общины и составляют те пункты, которые, как и Плеханова, очень резко отличают и Аксельрода от остальных их товарищей еще до раскола 1879 г.

¹) «Община», № 8—9, 1878 г.

²) Там же.

Аксельрод еще в 1874 году в Берлине познакомился с западно-европейским рабочим движением и с тех пор никогда не порывал этой связи, и именно эта связь и оказала огромное влияние на все его миросозерцание.

Это становится заметным уже в тех статьях, какие он печатал за границей в течение 1881 — 1882 годов и по каким можно судить, как шаг за шагом факты именно западно-европейского рабочего движения производили одну брешь за другой в его народническо-анархическом миросозерцании.

В течение 1881 года в журнале «Вольное Слово» (4), выходящем в Женеве, Аксельрод печатал «Письма о рабочем движении», и на этих письмах можно наблюдать влияние, о котором только что сказано.

Характерно уже вступление к этим письмам в № 4 «Вольного Слова». Обрисовав современную эпоху истории человечества как эпоху переходную и указав, что в такие эпохи почин возрождения человечества берут на себя наиболее угнетенные классы, Аксельрод говорит: «Рабочее движение является таким образом как бы воплощением всей совокупности сознательных стремлений и усилий нашей эпохи к переходу на более высокую ступень цивилизации»¹⁾. Во втором письме, помещенном в пятом номере «Вольного Слова», говоря о французском рабочем движении, Аксельрод рисует ход европейского рабочего движения и показывает, как на почве чисто экономической борьбы за достижение своих ближайших требований рабочий класс втягивается в борьбу политическую, и как эта двоякого рода борьба постепенно приводит пролетариат к мысли о борьбе за демократизацию государственной власти.

«Демократизирование политических учреждений с целью сделать из государства орудие эмансипации трудящихся классов — такова более поздняя форма борьбы труда с капиталом. По мере развития сословного сознания в рядах пролетариата, и борьба его с капиталистами все более и более принимает двоякую форму — борьбы непосредственно экономической и борьбы политической. И повсюду первым шагом при выступлении пролетариата на политическую арену является требование всеобщего, прямого и равного избирательного права».

Правда, в этих письмах Бакунинский анархизм дает еще себя чувствовать повсюду. Так, в следующем письме Аксельрод, говоря все о том же французском рабочем движении, предпосылает введение, трактующее о роли немецкой социал-демократии, и делает ошибочное предсказание, что немецкая социал-демократия, бывшая гегемоном европейского рабочего движения в 70-е годы, в 80-е уступит это место французским анархистам и синдикалистам. Но, вместе с тем, он не высказывается решительно ни за французских социалистов, ни за французских анархистов. «Очень может быть, — говорит он, — что метод анархистов (или, вернее, «абстенционистов») окажется в будущем более соответствующим целям рабочего движения. Но каковы бы ни были относительные недостатки избирательной агитации во имя реформ, приведенных в предыдущем письме, она, несомненно, подготавливает умы значительных масс народа к восприятию социалистического идеала, способы осуществления которого будут выясняться по мере роста численности и сознания передовых отрядов пролетариата».

¹⁾ «Вольное Слово», № 4, 1881 г.

Реформы же эти — были требования программы французской рабочей партии.

Как видит читатель, уже в 1881 году взгляды Аксельрода по многим вопросам были очень далеки от тех традиционных взглядов революционного народничества, какие им высказывались еще в «Общине» 1878 г.

Для того, чтобы уяснить себе, почему же произошел раскол «Земли и Воли», в силу каких причин вскоре же после раскола был поднят вопрос и чернопередельцами и народовольцами о соединении, и почему это объединение не произошло, обратимся к изучению трех в высшей степени важных документов, относящихся к 1881 году. Документы эти — речь Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре, статья И. Присецкого в «Вольном Слове» и ответ на нее Аксельрода (5).

IV.

Аксельрод выступал на конгрессе в Хуре с речью, в которой коснулся и характера русского революционного движения, и отличия его от западно-европейского рабочего движения, и причин, разделивших «Землю и Волю».

По мнению Аксельрода: «Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя бы консервативный, класс общества. Развившись из исторических условий, оно в настоящее время опирается только на массу чиновников и солдат, представляя собой разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и беспощадно подавляющую всякую оппозицию, из какого бы класса общества она ни исходила».

Представляя себе так упрощенно существо русского самодержавия, Аксельрод полагал, что борьба ведется между двумя организованными группами — висящим в воздухе правительством и «Исполнительным Комитетом», как центром борьбы против общего врага. По его мнению выходило так, что Исполнительному Комитету помогали «недовольные элементы всех классов общества», и в этом и было главное отличие русского революционного движения от западного, где боролся класс рабочих против класса капиталистов.

«Движение наше,—говорит Аксельрод,—не носит, таким образом, характер организованной сословной борьбы, хотя и у нас, как и всюду, существует антагонизм между разными общественными классами».

Признавая, стало быть, существование и в России классовых противоречий, Аксельрод в силу своих старых народнических взглядов не видел, что и борьба «Народной Воли» с самодержавием была борьба классовая, борьба буржуазии с классом феодалов, крупных помещиков.

Итак, между русским и западно-европейским движением пока нет точек соприкосновения, но они скоро возникнут: «Бисмарк постарается довести и немецких социалистов до употребления динамита и т. п. по отношению к своим угнетателям, и тогда тесный союз между ними и русскими социалистами сделается вопросом необходимости».

Говоря о «Народной Воле» и «Черном Переделе», Аксельрод так объясняет причины разделения «Земли и Воли»: «Разница между ними состояла, по крайней мере прежде, в том, что «Народная Воля» требовала сосредоточения деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы —

пуская в ход как террор, так и пропаганду, между тем как «Черный Передел» напирал на сосредоточении сил в деревне и на возбуждении духа протеста в крестьянстве — также путем пропаганды и террора — например, против особенно ненавистных народу своей эксплуатацией правительственных и частных лиц».

Вот и вся разница, а что касается социализма, то и народовольцы и чернопередельцы одинаково преданы социализму.

«Только немногие члены «Народной Воли», как, например, героический Желябов, особенно настаивали на агитации преимущественно радикально-политического характера, в виду соображений чисто практических, именно: возможно скорого ниспровержения деспотизма и проложения пути к большему развитию народных сил».

Ну а раз так, раз нет принципиальных разногласий, то настанет скоро время, когда снова и «Народная Воля» и «Черный Передел» объединятся.

«Это тем более вероятно, что фракция «Народной Воли» на деле давно уже энергично принялась за организационную работу среди городских рабочих и призывает к молодежи о необходимости приняться за агитацию в крестьянстве. Она ясно высказалась за устремление революционных элементов на подготовку народного восстания. С другой стороны, «Черный Передел» признал необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолютизма».

Все это с внешней стороны было верно, и не только Аксельроду, но и Плеханову казалось, что объединение еще возможно; жизнь же, ход вещей диктовал другое: разногласие между группой Плеханова и «Народной Волей» было глубже, чем тогда казалось: оно коренилось в тех классовых соотношениях, тенденции которых выражали обе фракции «Земли и Воли», или, вернее, тенденции которых выражали будущие народовольцы и будущие «освобожденцы».

Это было еще не ясно выражено попытками Осинского вступить в союз с либералами, это резче было заявлено Желябовым на Воронежском съезде, когда он высказал свое отношение к стачечной ¹⁾, стало быть, классовой борьбе рабочих, это, наконец, очень определенно было высказано Присецким в его статье в «Вольном Слове». В этой замечательной статье народоволец И. Присецкий, тоже страстно желавший объединения «Черного Передела» и «Народной Воли», высказывает такие мысли, которые яснее ясного показывают ту линию, по какой шла эволюция одной части народничества, и что за стремления выражала эта часть.

Дав краткий исторический обзор революционного движения, Присецкий так формулирует задачи момента (6): «Теперь уже для всех ясно, что вопрос о конституционном режиме стоит на очереди. Разрешение его неми-

¹⁾ «Стачечник ведет двоякую борьбу,—сказал А. И. Желябов,—он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с этой последней». Сказать это мог,—добавляет Плеханов, приведя слова Желябова,—именно только радикал в западно-европейском смысле. Социалист, отбросивший предрассудки утопического периода, понимает, что политическая борьба тоже может стать классовой и даже должна стать классовой, чтобы иметь шансы на успех». Тун, изд. Рутенберг. Петербург, 1906 г., стр. 43.

нуемо, и оно будет если не в этом году, так еще через несколько лет. Деспотизм находится в агонии; от общества, от всех, населяющих Российскую империю, зависит теперь, сколько времени продолжится эта агония». Какие же силы, какие классы могут сказать свое последнее слово в пользу завоевания революции? «... если бы все социалисты, поняв важность переживаемого Россией момента, оставили споры в основах и присоединились на время к «Народной Воле», если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за поправленные права России, дело значительно подвинулось бы вперед». (Разрядка моя. В. Н.)

Читателю ясно, что искать опоры в земствах и городах, это значит опираться на определенный класс, класс буржуазии.

— Это было ясно для Желябова, это еще ясней для Присецкого. Он так и определяет тот народ, к интересам которого апеллировали и народо-вольцы и чернопередельцы.

Нас обвиняют, — рассуждал он далее, — что мы грешим против формулы «все для народа, все посредством народа». Ничуть не бывало! А что такое народ? задает он вопрос, и так отвечает на него: «Что подразумевается под словом народ? Вся ли нация, совокупность ее интеллигентного, промышленного и рабочего классов, или только один рабочий класс? Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но, если «умысел другой тут был», если здесь говорится только об одном рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяют от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием.

Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа. Это слишком ясно, чтобы распространяться об этом. Теперь, что означают слова «посредством народа»? Если посредством опять-таки одного рабочего люда, то мысль будет абсурдна. Никто не сомневается, что рабочим полезно, чтобы свобода слова была обеспечена. Но, однако, я думаю никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «Все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». В таком случае деятельность «Народной Воли» будет вполне соответствовать этому требованию. Желая свободы и права для всей нации, она стремится опереться на интеллигентную часть нации, как наиболее заинтересованную в этом деле¹⁾.

Здесь все договорено до конца, и все темные стороны вопроса разъяснены: «Народная Воля», это — партия, стремящаяся опереться на интеллигентную часть нации, а мы выше говорили, что представляла уже тогда интеллигентная часть нации.

¹⁾ См. в приложении статью И. Н. Присецкого.

Небольшая экскурсия в область статистики разъяснит суть дела лучше, чем длиннейшие рассуждения. Начиная с 60-х годов, классовый состав революционеров менялся в сторону демократизации, от дворянства к рабочему классу и крестьянству, но еще в начале 90-х годов дети дворян, чиновников, духовенства, купцов, разночинцы составляли огромную часть революционеров, число же рабочих было очень не велико, и только с конца 90-х годов рабочие и интеллигентный пролетариат составляют большинство революционной армии.

Это видно из следующих цифр.

Из всего числа привлеченных по «политическим преступлениям» с 1891 по 1896 г.г. рабочих было в 1891 — 87 чел., 1892 — 78, 1893 — 42, 1894 — 90, 1895 — 154 и 1896 — 375. С этого времени рабочие уже целиком преобладают в движении (если исключить студенческие волнения).

Точно так же и по тем сословиям, откуда выходил революционер, видно, что только с конца 90-х годов наблюдается заметное преобладание выходцев из мещанства и крестьянства; так, из числа привлеченных было:

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
мещан	112	210	175	233	255	354	488
крестьян	64	149	155	181	326	538	1097

До этого времени, т.-е. в 80-е годы, преобладали в революционном движении не рабочие, не крестьяне и не дворяне, а дети мелких чиновников, духовенства, купцов и мещан, т.-е. тот слой городской мелкой и средней буржуазии, главным образом, учащиеся, та интеллигенция, к которой и обращается Присецкий.

В конце 70-х годов из всего числа привлеченных по политическим преступлениям дворяне составляли еще почти треть (остальные приходились на долю чиновников, поповичей, мещан и крестьян), а к концу 90-х годов подавляющее число революционеров выделялось из мещанства и крестьянства, при чем добрая доля приходилась уже и на рабочих и ремесленников. 70-е, 80-е и даже почти все 90-е годы это были годы вовлечения в революционное движение буржуазно-демократической интеллигенции, шедшей в революции вплоть до ее поражения в 1905 г.

Понятно, почему Присецкий обращал свои взоры именно сюда и разъяснял слово народ словом нация, а интересы народа отождествлял с интересами интеллигенции всех классов народа: дело-то в том, что и в 70-е и 80-е годы интеллигенты-рабочие и крестьяне считались десятками и сотнями, а интеллигентов-буржуа были уже десятки и сотни тысяч.

Но, как мы сказали выше, и в 70-е годы в революцию вступает рабочий, к началу 80-х годов число передовых рабочих, несомненно, растет, и это дает себя знать по мере роста рабочего движения, а к концу 90-х годов, когда рабочее движение становится массовым, носитель революции меняется, становится иным.

Таким образом еще концу 70-х годов в нашем революционном движении обозначаются две классовые прослойки — буржуазная и пролетарская, а соответственно этому и в идеологии движения должно быть было две струи — буржуазно-демократическая и социалистическая. Так оно и было. Сначала все это, при нерезко обозначившейся классовой дифференциации,

окрашивалось одной идеологией утопического социализма, а затем, начиная с конца 70-х годов, обозначаются две струи — эмансипация от утопического крестьянского социализма, мелко-буржуазного революционного народничества к буржуазно-демократическому либерализму и от того же мелко-буржуазного, крестьянского, утопического социализма к социализму пролетарскому, от народников-утопистов Плеханова, Осинского, Аксельрода, Желябова, Засулич, Присецкого и других через радикалов Желябова, Присецкого, Перовскую и т. д., с одной стороны, к буржуазным демократам Якубовичам, Корба, социалистам-революционерам, кадетам, и с другой, — к социал-демократам Плеханову, Аксельроду, Засулич, Дейчу и всей русской социал-демократии.

Понятно, почему должен был произойти раскол в «Земле и Воле»: это был результат той классовой дифференциации, какую переживала страна, и того влияния, какое оказывала эта классовая дифференциация на самое революционную среду. Понятно точно так же, что и вопросом, по которому произошел раскол, должен был быть вопрос о терроре и вопрос о политической борьбе. Буржуазно-демократическая интеллигенция, составлявшая главный кадр революционеров, выдвинула как главную суть своей идеологии — идею «критически-мыслящей личности», действие, борьба которой творит историю. Понятно, что революционеры, как Присецкий, желавшие опереться на эти «критически-мыслящие личности», на ничтожную часть народа, на буржуазную интеллигенцию, не могли рассчитывать на поддержку масс народа, и потому им приходилось рассчитывать на свои силы, на геройские подвиги единичных героических личностей, отсюда — террор, отсюда идея о натиске на правительство кучки самоотверженных личностей; понятно, что революционеры, желавшие опереться на рабочий класс и крестьянство, понимавшие под термином народ именно пролетариат и крестьянство, рассчитывали на действия масс, а действия масс, как небо от земли, отличаются от героических террористических актов отдельных личностей.

С этой точки зрения, конечно, неправильно рассуждает О. В. Аптекман, когда видит причины разногласий в индивидуальных свойствах даже таких крупных личностей, как Плеханов или Тихомиров; это обстоятельство, конечно, играло некоторую роль, но не столько ничтожную, что, будь вместо Плеханова и Тихомирова другие деятели, процесс разделения происходил бы, быть может, менее бурно, но он все равно произошел бы. Л. Г. Дейч совершенно справедливо видит в подобных рассуждениях О. В. Аптекмана, сводящих причины раскола к характеру действующих лиц, не научное объяснение важнейшего исторического события, но сам же Л. Г. Дейч становится на ту же позицию, когда объясняет причины неудачи переговоров «Черного Передела» с «Народной Волей» об объединении ¹⁾.

Несомненно, что образ действий Тихомирова и Ошаниной заслуживает всяческого осуждения, но, право же, не имеет никакого значения то обстоятельство, что Тихомиров не желал, чтобы Л. Г. Дейч участвовал в общем

¹⁾ См. О. В. Аптекман. «Черный передел», статья в изд. Истпарта «Черный передел», орган соц.-федералистов». Петр., 1922 г., и Л. Дейч, «О сближении и разрыве с народовольцами», «Пролетарская революция», № 8 (20), 1922 г.

деле или то обстоятельство, что тогдашний лидер «Народной Воли» называл Дейча обидной кличкой («ехидное животное»).

Объединения Плеханова, уже к концу 80-го года сделавшегося наполовину социал-демократом, не могло состояться с людьми, которые, как Присецкий, мечтали опереться на земства и города или, как Тихомиров, проповедывали захват власти.

Об этом рассказывает и сам Л. Г. Дейч, когда говорит, как в феврале 1882 г. писался ответ на письмо «Исполнительного Комитета» о захвате власти ¹⁾. Прочтя это письмо, Плеханов сразу понял, что ни о каком союзе речи быть не может. «Ведь это совершеннейшая бессмыслица, на которую невозможно ответить!—сказал Плеханов, прочтя это письмо.— Это выше моих сил!»—воскликнул он, кладя на стол листок почтовой бумаги. Это оказалось по силам Л. Г. Дейчу, но так или иначе и из письма Дейча ничего не вышло. Раскол был неизбежен. Переписка Плеханова с Лавровым подтверждает это.

В феврале 1882 г., как пишет Л. Г. Дейч, было получено письмо от «Исполнительного Комитета» с планом захвата власти, а ранней весной этого же года Плеханов писал Лаврову о том, что хотя они, чернопердельцы, и послали Исполнительному Комитету ответ, в котором разногласия не оттеняются, но что это сделано в надежде, что народовольцев удастся склонить на надлежащую дорогу. Плеханов, однако, прибавлял, что их надежда «связана с большим или меньшим количеством шансов неудачи». В этом же письме он выражает опасение, что ему едва ли удобно будет оставаться редактором предполагаемого журнала, затевавшегося тогда «Вестника Народной Воли», так как весьма возможно, что чернопердельцам придется снова стать в оппозицию к «Народной Воле». Указывал Плеханов и на свои разногласия с Кравчинским. «... Он,—писал Плеханов,— что -то вроде прудониста, я — не понимаю Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он—человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли» ²⁾.

Человек, собиравшийся создать «Прокрустово» ложе из «Капитала» Маркса для всякого товарища по организации, не мог быть в одной организации с людьми, которые подменяли понятие «народ» понятием «интеллигенция». Идеино Плеханов уже до получения письма от «Исполнительного Комитета» в феврале 1882 г. был на недостижимом расстоянии от «Народной Воли», да и его товарищи, пожалуй, тоже уже идейно порвали с народовольцами: по крайней мере Дейч, этот главный организатор группы «Освобождение Труда» (как Плеханов ее идейный руководитель), говорит, что уже летом 1882 г. у него возникла мысль «о заложении организации, названной потом группой «Освобождение Труда».

Что касается Аксельрода, то и он уже в 1881 г. испытал настолько сильно влияние марксизма, что дальнейшая его эволюция в сторону науч-

¹⁾ См. указанную выше статью Л. Г. Дейча в № 8 (20), 1922 г. «Пролет. рев».

²⁾ «Дела и дни», кн. 2-я, Петербург. Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову, стр. 90.

ного социализма Маркса была несомненна. Это очень хорошо видно по его ответу на статью Присецкого. Действительно, опровергая буржуазную «философию» Присецкого, Аксельрод рассматривает современное общество как классовое буржуазное общество ¹⁾. «Каждая страна, каждая нация,—говорит он,—подразделяется на два главных класса, интересы которых коренным образом расходятся. Эксплоататоры и эксплуатируемые — вот термины, достаточно рельефно характеризующие глубокий антагонизм, разделяющий каждую нацию на два враждебных лагеря». В таком классовом обществе не может существовать какой-то одной внеклассовой интеллигенции, а каждый класс выдвигает из своих недр свою собственную интеллигенцию. Поэтому отождествлять интересы народа, т.-е. трудящихся классов, с интересами всяческой интеллигенции есть дело неревOLUTIONционное, ибо формула Присецкого: «все, что делается для интеллигенции, делается для народа», в классовом обществе означает: все делается для того класса, интересы которого данная интеллигенция выражает. Так как только там, где рабочий класс долго и упорно боролся за свои политические гарантии, он и пользуется ими, нужно обращаться не к какой-то интеллигенции, представляющей из себя смесь разнообразных классовых групп, а к рабочим и крестьянам «во имя их классовых интересов, в сфере политической и экономической».

Расшифровывает Аксельрод и классовую сущность тех слоев, на которые призывал опереться Присецкий. «... Что такое наши земские и городские учреждения?»—спрашивает он и дает такой ответ: «Это—представительные собрания привилегированных в имущественном или профессиональном отношении классов». Правильно оценивает Аксельрод и классовую, буржуазную сущность народолюбческой программы Присецкого. «Таким образом,—говорит он,—предложение автора привлечь к революционному движению во имя политической свободы одну только интеллигентную часть нации» при внимательном рассмотрении сводится к тому, чтобы опереться в революционной борьбе исключительно на высшие и средние классы»... Проходит через всю статью Аксельрода и признание того положения, что завоевание политической свободы есть необходимейшее условие для успешной борьбы рабочего класса за свое полное политическое и экономическое освобождение. В статье, конечно, имеются еще элементы старого мировоззрения, но несомненно одно: в ней имеются многие элементы марксизма и признание того, что именно Маркс и Энгельс являются теоретическими обоснователями революционной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Таким образом мы видим, как постепенно изменялись взгляды двух теоретиков группы «Освобождение Труда», и как уже к концу 1881 г. они стояли на верной дороге к марксизму.

Эволюция взглядов В. Н. Игнатова нам неизвестна, что же касается Л. Г. Дейча, этого главного организатора группы, и В. И. Засулич, то, как он говорит сам, и его мировоззрение под могучим воздействием гения Плеханова тоже эволюционировало постепенно к марксизму примерно в тот же период времени ²⁾.

¹⁾ См. в приложении статью П. Б. Аксельрода.

²⁾ Об В. Н. Игнатове у Л. Дейча—«Пролет. рев.», № 9 (21), 1923 г.

При таких условиях момент окончательного разрыва был только вопросом времени. Он и наступил осенью 1883 г., когда появилось извещение «об издании «Библиотеки Современного Социализма», что фактически было извещением об образовании новой организации — группы «Освобождение Труда» (25 сентября 1883 г.).

V.

На фактической стороне раскола «Земли и Воли» и образовании группы «Освобождение Труда» мы останавливаться не будем: первое рассказано многочисленными участниками движения 70-х годов, а второе — Плехановым, Аксельродом и неоднократно Дейчем.

Напомним только главнейшие даты этой истории.

Летом 1879 г. «Земля и Воля» раскололась на две организации: «Народную Волю» и «Черный Передел»; в январе 1880 г. Плеханов, Дейч, Засулич и Стефанович уехали за границу; в 1880 г. Плеханов переехал в Париж и сблизился с Лавровым, а Дейч, Засулич и Стефанович, оставшиеся в Швейцарии и сносившиеся с Россией, под влиянием, с одной стороны, успехов народолюбцев, а с другой стороны, слабости собственных организаций, решили начать переговоры с народолюбцами о присоединении к «Народной Воле»; летом 1881 г. Стефанович с этой целью уехал в Россию, где вскоре и вошел в «Народную Волю»; осенью того же года Плеханов возвратился в Швейцарию и под влиянием известий от Стефановича об успешной пропаганде среди рабочих в России также решил последовать примеру своих товарищей и принять участие в изданиях, намечавшихся народолюбцами (народолюбцы наметили его одним из редакторов «Вестника Народной Воли»; другие два — Лавров и Кравчинский); в феврале 1882 г. было получено письмо «Исполнительного Комитета» с изложением идеи о захвате власти; летом, после разгрома «Исполнительного Комитета», за границу приезжают уцелевшие народолюбцы и в их числе Тихомиров; с этого же времени намечается разрыв чернопеределовцев с «Народной Волей», осложненный личными недоразумениями между представителями двух фракций. Двусмысленное поведение Тихомирова и обостренные отношения его с Дейчем ускоряют разрыв, а отказ напечатать статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» без Тихомировского примечания и требование народолюбцев «разбиться на атомы», т.-е. вступить в ряды «Народной Воли» не как целая организация, а индивидуально, окончательно разделяют на две враждебные группы бывших товарищей.

В то же время Плеханов и его друзья не переставали работать над изучением научного социализма, и прежде всего, конечно, сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Уже в 1880 г. Плеханов внимательно изучал, по словам Аксельрода, книгу Энгельса «Herrn Durings Umwälzung der Wissenschaft», что тому же Аксельроду удалось сделать несколько лет спустя ¹⁾.

Затем Плеханов предпринял перевод «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса для «Социально-революционной библио-

¹⁾ См. П. Аксельрод, «Пережитое и передуманное», послед. главы.

теки», редакторами которой официально были Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров и Н. А. Морозов.

В 1881 г. Плеханов печатает в «Отечественных записках» статью «Новое направление в политической экономии» и, наконец, летом 1882 г. в Женеве выходит под фирмой «Социально-революционной библиотеки» «Манифест коммунистической партии» с предисловием Плеханова. В этом предисловии Плеханов уже определенный марксист и социал-демократ.

Указывая, что русское социалистическое движение вышло на путь открытой борьбы с абсолютизмом, Плеханов говорит, что блестящее произведение Маркса «может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующего класса зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время»¹⁾.

В 1883 г. фактический основатель группы «Освобождение Труда» Л. Г. Дейч перевел «Наемный труд и капитал» К. Маркса, и это произведение на русском языке вышло летом этого года.

В том же 1883 г. Плеханов, Аксельрод и Дейч готовили свои оригинальные работы для «Вестника Народной Воли». Аксельрод дал свою статью «Социализм и мелкая буржуазия», и она была напечатана в первом и втором номерах журнала в 1883 г. и 1884 г., а Плеханов напечатал в первом номере «Вестника Народной Воли» только одну статью: «Н. Я. Аристов, А. П. Щапов», и на этом совместная работа чернопередельцев и народо-вольцев закончилась: «Социализм и политическая борьба», работу, подготовлявшуюся для «Вестника Народной Воли», Плеханов выпустил уже под фирмой группы «Освобождение Труда».

При основании группы осенью 1883 г. в Женеве налицо находилось четверо чернопередельцев: Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч; пятый член «Черного Передела», В. Н. Игнатов, больной жил в Кларане, но и он целиком был солидарен со своими товарищами, исчерпавшими все средства и пути для соглашения с «Народной Волей». Выступлением чернопередельцев с извещением об издании «Библиотеки Современного Социализма» и образованием группы «Освобождение Труда» и начинается новая эра в истории русского революционного движения, — кончилась доисторическая эпоха, начиналась новая, социал-демократическая.

¹⁾ Предисловие к русскому изданию «Коммун. Маниф.». Собр. соч., т. I, Петербург, Госиздат, 1920 г., стр. 73.

Главным, идейным руководителем новой организации, как это признают все остальные ее основатели, являлся бесспорно Плеханов. На его долю выпало счастье заложить прочный фундамент научного социализма и первые основы рабочей социалистической партии в России. Ближайшим его помощником в деле теоретической разработки был П. Б. Аксельрод, который, как мы видели, почти одновременно пришел к отрицанию старой утопической догмы и шагнул к научному социализму Маркса и Энгельса.

Практическим же работником, организатором группы был, без сомнения, Л. Г. Дейч; человек со славным революционным прошлым, как и Плеханов, с огромными революционными связями, с огромной инициативой, с боевым темпераментом, с практическим навыком и умением организационно привлекать необходимых людей и средства, так сказать, организатор по природе своей,—Л. Г. Дейч и был создателем не только группы в Женеве, но приступил к созданию таких же групп и в России (7). Неожиданный арест его (во Фрейбурге в начале марта 1884 г.) немецкими властями и выдача русскому правительству, суд и ссылка на каторгу надолго оторвали его от работы, и, без сомнения, этим отчасти объясняется то печальное обстоятельство, что в течение 80-х годов при огромном идейном влиянии группа «Освобождение Труда» была очень слабо связана с Россией, тем более, что никто другой Дейча заменить не мог: В. Н. Игнатов вскоре умер, в 1884 г., да он и не мог, вследствие своей болезни, принимать активного участия в работе, а В. И. Засулич одна также не в состоянии была заменить такого большого организатора, как Дейч. С июня 1884 г. Дейча заменил Саул Гринфест; но и он не мог укрепить связей группы с Россией. Его поездка в Россию в конце 1883 года также не увенчалась успехом, и с весны 1885 года Гринфест, повидимому, перестает играть роль в жизни группы (8).

Необходимо отметить здесь, что В. Н. Игнатов все же оказал огромную услугу русскому рабочему движению: он дал свои личные средства в распоряжение группы и, кроме того, насколько позволяли ему его слабые силы, принимал участие и вообще в работе своих товарищей.

А в России, между тем, росло рабочее движение и закладывались первые подлинные социал-демократические рабочие организации.

Организация «Черного Передела» скоро погибла, она как-то незаметно сошла на нет. Об этом говорят почти все ее участники, однако, такое заключение едва ли можно принять без оговорок. Размеры настоящей статьи не позволяют детально исследовать этот вопрос, но несомненно одно, что из тех первоначальных организаций, которые имели чернопередельцы в столицах и провинциях, не все члены ушли к народовольцам или вышли совсем из движения,—многие продолжали работу среди пролетариата, и отчасти из этих чернопередельческих рабочих кружков вышли и выросли первые деятели социал-демократии в России ¹⁾.

VI.

С арестом Л. Г. Дейча связи с Россией, бывшие у группы «Освобождение Труда», постепенно стали рваться. Группа замыкается в своем

¹⁾ См. предисловие к напечатанному нами здесь «Зерну».

узком кружке; притока новых членов нет, а с отходом от работы С. Гринфеста организационная работа группы почти замирает. В 1885 г. группа «Освобождение Труда» завязала оживленную переписку с Благоевской группой, но аресты членов этой последней порвали и эту ниточку, связывавшую Плеханова и его товарищей с русскими рабочими организациями. Эти связи возобновились уже только в конце 80-х и начале 90-х годов, когда в России выросли первые социал-демократические организации, и когда социал-демократические деятели, главным образом молодые, двинулись за границу ¹⁾.

Что же делала группа в эти годы второй половины 80-х годов, когда она была отрезана от непосредственной работы в России?

Она делала ту замечательную работу, которая и положила теоретический фундамент русской социал-демократии и русского рабочего движения.

Вот что выпущено группой «Освобождение Труда» за период с 1883 г. по 1888 г., когда собственно и начинается приток свежих, молодых социал-демократических сил за границу: в 1883 г. в сентябре вышло извещение об издании «библиотеки научного социализма»; затем в собственной типографии, по сути дела организованной Л. Г. Дейчем, вышла работа Плеханова (25 октября 1883 г.): «Социализм и политическая борьба»; весной 1884 г. перевод «Развития научного социализма» Ф. Энгельса, с приложением «теории насилия» из «Herrn Eugen Durings Umwälzung der Wissenschaft», в июле 1884 г. Плеханов закончил и выпустил в свет в 1885 г. (в начале) «Наши разногласия»; в июле же этого года (1884 г.) вышла Плехановская «Программа социал-демократической группы «Освобождение Труда»; в сентябре 1884 г. вышла брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия» (с приложением «Об издании рабочей библиотеки»); в начале 1885 г. вышел перевод с предисловием Плеханова книжки Дикштейна «Кто чем живет»; в апреле—К. Маркса «Речь о свободе торговли» (с приложением «Об издании библиотеки современного социализма»); в 1886 г., в переводе В. Засулич, «Ницета философии» К. Маркса; в 1887 г. «Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова; в январе 1888 г. брошюра «Чего хотят социал-демократы» с предисловием и примечанием Плеханова и с приложением «проекта программы русских социал-демократов» и, наконец, в августе—«Социал-демократ», книга I, Литературно-политический сборник.

Мы не перечисляем мелких статей и заметок, напечатанных Плехановым и Аксельродом отчасти отдельными брошюрами, отчасти в виде заметок в различных заграничных революционных органах ²⁾.

Капитальными работами огромного теоретического и практического значения для русского рабочего движения были, бесспорно, две работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Здесь была дана беспощадная критика народнической утопической теории и программы, изложены основные положения учения Маркса, вскрыта

¹⁾ Историко-революционный архив, 3 д., № 47, т. IX, 1889 г. О щорихских революционных кружках.

²⁾ См. указатель заграничных соц.-дем. изданий на русском языке, 1883—1905 г. Сост. под ред. Ю. К(аменева), Париж, изд. 1913 г. и след.

бланкистски-утопическая сущность народовольческой идеологии и намечены общие контуры и основы программы социал-демократической рабочей партии России.

Без сомнения, прав тов. Рязанов и все последующие исследователи, отмечающие несовершенство первых двух набросков программы русской социал-демократии; это верно, на них отразился тот переходный момент, в какой они создавались: безнадежные попытки, как это ясно теперь нам, войти в соглашение с «Народной Волей», хаос в самих русских революционных организациях, невыясненность некоторых вопросов и для самой группы и, несомненно, оторванность группы от создавшихся уже в России социал-демократических кружков — вот причины этого несовершенства. Легко теперь говорить, что группа за эти годы не сумела создать популярной рабочей литературы, не перевела на русский язык главнейших произведений Маркса и Энгельса, не поставила периодического органа; требовались гигантские силы, — воля, убежденность в своей правоте, материальные средства и люди, чтобы все это создать да еще при такой страшно неблагоприятной атмосфере, когда, начиная с русских колоний и кончая виднейшими социалистами Запада, все считали единственными революционерами в России народовольцев, и когда недоверие и даже враждебность по отношению к группе прорывались повсюду: и со стороны западных товарищей, и в полемике русских революционеров.

Плеханову приходилось, в буквальном смысле слова, завоевывать почти каждого видного западного социалиста поодиночке.

И как известно, он выполнил это блестяще. Он завязал личные связи с Гедом и Лафаргом еще в 80-е годы, переписывался с Энгельсом, а к концу его жизни не было такого деятеля-социалиста, который бы не считал за честь повидаться или списаться с Плехановым.

И в то же время группе приходилось делать свою основную работу: выковывать основы программы русской социал-демократии и критикой расчищать утопический сор, который накопился от предыдущих периодов революционного движения и буквально мешал двинуться хоть на шаг вперед. И все это должна была сделать маленькая группа без средств и людей.

Правда, стихийный рост рабочего движения, о чем свидетельствовала Морозовская стачка, делал свое дело и на родине: там до социал-демократизма додумывались совершенно самостоятельно, шел свой самобытный процесс (это является предметом работы т. Сергиевского, и мы его не затрагиваем), и скоро должно было настать время, когда эти два течения — теоретическая работа Плеханова за границей и практическая и теоретическая работа социал-демократов в России — должны были слиться в один мощный поток; но все это произошло уже значительно позже, а пока что Плеханову приходилось проводить борозду на непочтой почве. Правда, ему деятельно помогали его товарищи, Аксельрод и Засулич, но все же главная работа выпадала на долю Плеханова.

Да и нельзя сказать, чтобы группа не делала попыток к изданию популярной литературы для России. Смотря на свою работу как на создание такой литературы, которая могла бы прежде всего быть руководящим материалом для социал-демократической интеллигенции, группа «Освобо-

ждение Труда» наметила на-ряду с изданиями «библиотеки современного социализма» и издания «Рабочей библиотеки», куда должны были войти вещи, из которых русские социал-демократические рабочие могли черпать основы социал-демократической теории из первоисточника. Об этом ясно говорит и Аксельрод в своих воспоминаниях.

К концу 80-х годов, между тем, революционная Россия представляла совершенно иное зрелище, чем в 1883 г., когда группа начинала свою работу. В Петербурге уже был опыт создания социал-демократических организаций (группа Благоева, Точисский) и существовал центр, из которого выросла Брусневская группа; в Москве, несомненно, уже тоже намечались первые социал-демократические группировки; в Киеве работал социал-демократ Абрамович, он был связан с Западным краем, где также работали одиночки социал-демократы; Харьков уже заканчивал свой переходный период (Мельников и Перазич); в Одессе действовал Д. Б. Рязанов; разъехавшиеся по разным городам чернопередельцы и благоевцы тоже пытались создать новую организацию (Пенза,—Благославов, Теплов), в Дерпте существовала также социал-демократическая группа, словом, во многих местах шла интенсивная работа по выяснению тех путей, по каким должно развиваться рабочее движение, и как должна быть построена программа новой партии и сама партия.

Без сомнения все это выросло в хассе разложения старой народовольческой и народнической организации и идеологии, в атмосфере небывалого натиска реакции на революцию, в атмосфере враждебного отношения интеллигентного буржуазного общества, разочаровавшегося в народовольцах и пытающегося компромиссами добиться уступок самодержавия.

✓ С конца 80-х и в начале 90-х годов отчасти под влиянием преследований полиции, отчасти ища ответа на свои мучительные сомнения, русские социал-демократы тянутся за границу и там завязывают связи с группой «Освобождение Труда». Еще раньше, конечно, группа связывается с учащейся молодежью за границей и с эмиграцией.

Следы этого влияния, повидимому, остались в той организации, которая была образована группой «Освобождение Труда» осенью 1888 г. Мы говорим о «Русском Социал-Демократическом Союзе». К сожалению, об этой эпохе истории группы «Освобождение Труда» нет почти никаких сведений, и приходится ждать, пока старые эмигранты поделятся своими воспоминаниями.

Все, что известно об этом «Русском Социал-Демократическом Союзе», это одно — именно, что состав первоначальной организации был несколько расширен, вошли новые люди, но сколько человек и кто именно — неизвестно. Судя же по тому, что в течение 1889 г. ни из-под пера Плеханова, ни из-под пера Аксельрода не вышло ничего выдающегося, равного по силе двум первым работам Плеханова, можно заключить, что и образованный «Русский Социал-Демократический Союз» мало помог делу.

Более или менее выдающимся произведением этого года была брошюра Плеханова, вбившая последний гвоздь в гроб политического мертвеца Тихомирова («Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова»).

Из литературы, которую можно назвать агитационной для широких масс, группа издала речь П. Алексеева с предисловием Плеханова да «Очерк

истории международного общества рабочих», часть I, В. Засулич; остальные произведения—это были либо мелкие заметки, либо библиография, да и то печатавшиеся в таких заграничных органах, которые были мало доступны, либо вовсе недоступны для русских революционеров (например, «Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу», «Знамя», рабочая газета, издававшаяся в Нью-Йорке).

Только с 1890 г. снова начинается более заметная литературно-пропагандистская деятельность группы, да и то в этом году вышло только три книги «Социал-Демократа», один «Листок социал-демократа» (об истязаниях Сигиды) да популярно-агитационная брошюрка В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции».

Правда, три сборника «Социал-Демократа» являлись ценнейшим вкладом в русскую социал-демократическую литературу; там напечатаны такие статьи Плеханова, как его «Наши беллетристы-народники», «Н. Г. Чернышевский», много рецензий, работа В. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» и т. п., но за всем тем и здесь живой связи с русской действительностью не было. Лучшим доказательством этой мысли служит, например, та черта «Социал-Демократа», что, имея очень хорошую хронику рабочего движения на Западе, журнал молчит о стачечном и вообще рабочем движении в России. А между тем рабочее движение в России росло, уже работали социал-демократические кружки, и социал-демократы шли в Сибирь и в одиночные тюрьмы для отсидки. Следующий 1891 г. был еще более бедным в области издательской деятельности группы, если не считать доклада Брюссельскому интернациональному конгрессу (на французском языке), в Россию едва ли проникшего, то 1891 г. ознаменовался выходом в свет только одной брошюрки Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих».

В 1892 г. вышел последний четвертый номер «Социал-Демократа», «Все-российское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханова, его же «Русский рабочий в революционном движении» и переводы двух работ Ф. Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Развитие научного социализма». Кроме того, вышла агитационная брошюра: «Первое Мая 1891 г.» (с приложением адреса Н. Шелгунову) и отрывок из воспоминаний Дебагория-Мокриевича.

Впервые в четвертом номере «Социал-Демократа» появляются, хотя и отрывочные, сведения о рабочем движении в России; чувствуется и по брошюре «Первое Мая 1891 г.», что начинают устанавливаться связи группы с Россией. Но 1892—1893 г.г. в этом отношении были вообще переломными в истории группы, ибо, по словам Д. Б. Рязанова, в результате тех столкновений, какие происходили у группы с молодой оппозицией, в 1893 г. образовалось издательство «социал-демократической библиотеки».

Что же это были за молодые группы, как они появились и образовались за границей? По словам Д. Б. Рязанова, первый конфликт возник у группы с Соловейчиком и Слепцовой в 1887—1888 г.г. До этого, если и возникали трения, то это были трения эмиграционного характера и быстро ликвидировались внутри. Оппозиция же Соловейчика была уже не эмиграционного, а русского характера. К сожалению, и об этом периоде истории почти

нет известий современников, и потому приходится обращаться к документам архивного характера.

Прежде всего, кто такие были вышеназванные Соловейчик и Слепцова?

Надежда Николаевна Слепцова (9) была в описываемое время уже не новичком в революционном движении. Дочь генерала (действительного статского советника), курсистка-бестужевка, она вступила в движение еще в 1884 г. и была привлечена по делу революционной пропаганды среди военных, по известному делу мичмана Н. Шелгунова.

Кружки эти, как теперь известно, находились в связи с партией «русских социал-демократов» («Благовеская группа») ¹⁾. Что это были за связи, пока, до специального исследования по этому вопросу, трудно сказать, но несомненно, что члены Благовеской группы, как, например, Шатько и другие, не только имели связи с военной группой, но и пытались пропагандировать там свою программу ²⁾. Программа самой военной группы представляет тоже в некоторых отношениях замечательный документ. Не подлежит сомнению, что программа эта испытала на себе влияние благовесцев. Однако, как ни интересен сам по себе вопрос о характере этих кружков, в данный момент важно отметить одно: это связь Н. Слепцовой, хотя и отдаленную, с первой социал-демократической группой. Неизвестно, была ли уже в России Слепцова социал-демократкой, но в 1887 г. в Цюрихе мы ее застаем в группе социал-демократической молодежи. Там она и встретилась с Соловейчиком и стала его женой (в 1887 г.).

Рафаил Соломонович Соловейчик был сын купца первой гильдии, довольно состоятельного, занимавшегося поставкой дров на армию в Гродненской губ. Окончив реальное училище в Москве в 1884 г., в августе этого же года Соловейчик уехал учиться в Цюрих, где и поступил в Политехникум. В 1888 г. окончил его и в конце этого же года возвратился в Россию ³⁾.

В это время в Цюрихе собралось довольно значительное число эмигрантов и учащейся молодежи. Здесь, между прочим, жили: П. Б. Аксельрод, Исаак Ефрон, Комаров (Говорухин), Исаак Бринштейн (Дембо), Софья Гинзбург.

До 1887 г. (судя по показаниям многих молодых людей, привлеченных по делу Дембо) ⁴⁾, вся эта молодежь объединялась в одном фереине, носившем название «Славия»; это была читальня, образованная еще в 70-х годах. Каждый русский или вообще славянин, внеся 1½ франка в месяц, мог быть членом этой читальни. Кроме того, была там и кухмистерская и, наконец, «Славянский социал-демократический клуб» (в 1887 г. председателем был Френкель).

Библиотека заключала до 400 томов книг, почти все известные русские и иностранные газеты также получались читальней.

¹⁾ «Еженед. Записки», Истор.-рев. арх. 1887 г. 16—23 февр. и 1886 г. 4—11 августа.

²⁾ Ежен. Зап.» за 1887 г., см. показ. Григорова и Шейдевандта и 4 д., № 47, т. IV, 1889 г., л.л. 154—157.

³⁾ Истор.-рев. арх. 4-е дел., № 60 1889 г. и 3-е дел., № 2, ч. 2-я, 1890 г. По бум. розыскн. сод.

⁴⁾ Истор.-рев. арх., 3-е делопр., 47, т. III. 1889 г. и 4-е дел., 127, 1889 г.

В 1887 г. все эти организации слились и образовали одну, объединявшую всех живущих в Цюрихе эмигрантов и учащихся ¹⁾).

Учащаяся молодежь жила весело и шумно: устраивались вечера с чтением рефератов и докладов, организовывались балы с целью сбора денег как в пользу революционеров, так и в пользу своей организации, велись споры на злободневные темы. Все это молодежи не мешало учиться и самоопределяться в политическом отношении.

В 1887 г. мы здесь находим среди молодежи уже резкие и определенные группировки на народовольцев и «освобожденцев», т.-е. сторонников группы «Освобождение Труда».

В группу «освобожденцев» входили, между прочим, следующие лица: Израиль Гельфонд, Рафаил Соловейчик, Надежда Слепцова, Димитрий Матвеев, М. Конигов, Георг Пасанник, Мария Гинзбург, Перес, А. Попов, Гавриил Кафьянц, Григорий Гуковский, Елизавета Лурье, Вера Козакевич, Израиль Рубинштейн, Бишлер, Матис, Давид Барад, Вера Розенштейн, Гросман, Борис Кричевский, Казтан Добкевич, Леон Селитренный, дев. Вейнтрауб, Шлиома Франкфурт ²⁾ (10). Позже, с конца 80-х годов, в Цюрихской группе принимает участие Яков Кальмансон, игравший роль в начале 90-х годов в «Обществе борьбы с голодом».

Жил здесь недолго и Порфирий Инфантьев ³⁾ (благоевец).

Многие из перечисленных молодых людей прошли уже первоначальную революционную школу в России. Так, Порфирий Инфантьев имел несомненное касательство к группе Благоева; он окончил Троицкую гимназию и, еще будучи в Троицке, был распропагандирован учителем Голубевым. Поступив в петербургский университет, он жил в Петербурге с 1884 по 1885 г. и вращался среди своих земляков троичан-благоевцев. В 1885 г. уехал в Женеву и бывал в Цюрихе.

То же самое можно сказать и о Димитрие Матвееве: он тоже из того же троицкого кружка. А Инфантьев, как это доказано т. Н. Л. Сергиевским, и устраивал транспорт литературы для благоевцев.

Точно так же и Соловейчик, несомненно, приезжая в Россию, встречался с российскими социал-демократами, именно с теми из них, которые работали в Вильне, Минске и Киеве (кружок Абрамовича) ⁴⁾.

Вся эта молодежь искала за границей не только руководства со стороны таких ветеранов революции, как Плеханов, но домогалась и определенного участия в практических делах.

Трудно теперь судить, по каким поводам возник конфликт между группой и молодежью, но, повидимому, главной причиной являлась ото-

¹⁾ Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 127, 1889 г. «О сыновьях л. с. с. Болеславе и Витольде Рымашевских», л. 22.

²⁾ Группа народовольцев была тоже довольно многочисленна. В нее, например, входили: Дембо, Рудевич, Мандельштам, Борис Рейнштейн, Людвиг Нагель, Бек, Софья Шенцис, Филиппео, Левентис, Шефтель, Варнеховский и друг.

См. 4-е дел., № 127, 1889 г., Истор.-рев. арх., л. л. 37 и 38.

³⁾ Истор.-рев. арх., 4 д., № 225, 1889 г. О бывшем студ. с.-пет. унив. Порфирии Инфантьеве, а также д. 47, т. I и II, 1889 г.

⁴⁾ Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 97, 1889 г. О киевском и нежинском революционных кружках.

О Матвееве, 3-е дел., № 1052, 1892 г.

рванность группы от развертывающегося в России движения. Д. Б. Рязанов говорит по этому поводу следующее: «Молодые» товарищи требовали для себя известных прав как в области организационной, так и в области литературно-издательской. Насколько мне известно из рассказов, «молодые» требовали, чтобы литературе для рабочих отводилось и больше средств, и больше места среди изданий группы «Освобождение Труда». Организация первого русского «Социал-демократического Союза» несомненно явилась уступкой требованиям «молодых»¹⁾. По словам опять же Д. Б. Рязанова, «к первой оппозиции принадлежал и Парвус, приехавший в Швейцарию еще осенью 1887 года и принявший после очень деятельное участие в дискуссии 1888 года».

Что все это, действительно, так, видно из документов²⁾. Как раз в 1888 году в Цюрихе и происходили страстные дискуссии «стариков» с «молодыми». С рефератом выступал сам Плеханов, и ему возражали, кроме Парвуса, Рафаил Соловейчик и Надежда Слепцова. К сожалению, о содержании и характере этих дискуссий в документах никаких следов не осталось. Молодые, однако, не ограничивались одними возражениями «старикам», они и сами выступали с докладами и планами действий. К сожалению, и об этих планах и о характере докладов судить тоже не представляется возможным. Есть, однако, указания, что «молодые» предлагали именно те поправки к деятельности группы, о которых говорит Рязанов, хотя из названия доклада, читанного Соловейчиком, этого и не видно: Соловейчик читал, как раз в 1888 году, доклад на тему «фабричное производство в России». В той дискуссии, которая возникла между «молодыми» и «старыми», принял участие довольно обширный круг народа, и в результате обсуждения, по предложению народовольцев Дембо, Рудевича, Гнатовского и Говорухина, в Цюрихской колонии решено было образовать «Социалистический литературный фонд»³⁾, как раз для издания популярной социалистической литературы. Сначала, до сентября 1888 г., во главе редакции стоял П. Л. Лавров, он же считался и кассиром, и все деньги, собранные в Цюрихе, отправлялись ему. Но в сентябре 1888 года под напором «освобожденцев» фонд разделился: деньги для этого фонда собирались со всей колонии, и «освобожденцы» потребовали своего участия в этом деле. По этому вопросу происходили очень бурные собрания Цюрихской колонии; «освобожденцы» сначала требовали, чтобы в редакции был не только Лавров, но и Плеханов, когда же народовольцы отказались, то прения на одном из собраний приняли такой бурный характер, что молодой «освобожденец» Григорий Гуковский нанес оскорбление действием председателю собрания⁴⁾ народовольцу Ясинскому. После этого «Социалистический литературный фонд» был разделен на две части: народовольческую и освобожденскую.

¹⁾ «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 11—12. Д. Рязанов. Вступительные замечания к письмам Г. В. Плеханова и Фр. Энгельса.

²⁾ Истор.-рев. арх., указанное выше дело, 4-е дел., № 127, 1889 г., л. 59, и 4-е дел., № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

³⁾ Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. V. Здесь показания Григория Гуковского.

⁴⁾ Указанное выше дело. Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. V, л.л. 56 и 57, 1889 г., и 4-е дел., № 47, т. IV, л.л. 154—157, 1889 г.

Как видно из документов, на собраниях этого «фонда» обсуждались вопросы, что необходимо издать или напечатать и кому поручить выполнение той или другой работы¹⁾.

Несмотря на скудость данных, стало быть, можно все-таки установить, что именно под давлением «молодых» группа пошла на уступки и намеревалась свою издательскую деятельность приблизить к российской действительности. Выгоды от этого получались обоюдные: русские кружки должны были получить популярную литературу, а группа—связи с этими кружками. Второе из последствий протеста «оппозиции» стало выполняться немедленно. Уезжавшие в Россию товарищи брали с собой адреса для переписки с группой, литературу и по приезде в Россию, обогащенные теоретически, пропагандировали идеи группы и связывали ее с Россией. Примером такой связи может служить та связь, которую завязал Соловейчик.

Забрав с собой адреса и небольшое количество литературы, Соловейчик в конце 1888 г., окончив политехникум, возвратился в Россию прямо в Гродно к своему отцу. Там он стал налаживать «границу», т.-е. переправу литературы в Россию, а, быть может, просто воспользовался готовой уже границей. Во всяком случае в дело он ввел не только чужих, но и близких ему людей. У отца Соловейчика служил приказчиком некий Шлема Клейнборт. По роду своей службы он должен был разъезжать по всей губернии и, конечно, бывал на границе. Его-то и избрал в качестве передаточной инстанции Соловейчик. Клейнборт должен был войти в сношения с И. П. Кравцом, служившим в качестве письмоносца в пограничном местечке Гониондзах. (Оригинальный заработок в еврейском местечке: Кравец давал свой адрес для писем евреям, уезжавшим в эмиграцию и вообще за границу, получал от них письма к их родным и по соглашению с ними за небольшую плату доставлял письма на дом.) Брат этого И. П. Кравца, Абрам Я. Кравец, давно уже учился за границей и жил в Париже, Цюрихе и Берне. И. П. Кравец имел хорошие связи с контрабандистами. К одному из таких контрабандистов он и обратился. Это был некий Исер Зелькер.

Зелькер, получивши транспорт литературы, доставил его Кравцу, Кравец переправил его Клейнбарту на ст. Соколку С.-Петербургско-Варшавской дороги, а этот последний отправил литературу уже просто посылкой на имя Исаака Гинзбурга, родственника Соловейчика (двоюродного брата), жившего в Киеве. Одну из таких посылок, весом около пуда, Соловейчик получил благополучно и своевременно ее передал в кружок Абрамовича. На другом же транспорте он провалился вследствие того, что жандармы перлюстрировали его переписку с Клейнбортом²⁾. Ко времени прихода второго транспорта Соловейчик уже завел хорошие связи с Минском, Одессой и Херсоном, сам побывавши в этих местах. Под видом поисков места (да он, действительно, как раз подыскивал себе службу) Соловейчик и поехал в эти города. В Одессе он связался с Григорием Александровичем Файнштейном (учился в Цюрихе, в июле 1888 г. возвратился в Россию и отбывал воинскую повинность в Одессе в Модлинском полку), а в Херсоне с неким Барским,

¹⁾ Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

²⁾ Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 60, 1889 г., о купеческом сыне Р. Соловейчике и друг.

который дал адрес для получения литературы на имя Каневского, жившего на водочном складе Левита ¹⁾).

Получивши благополучно первый транспорт в начале 1889 г., Соловейчик, ожидая второго, давал письменные инструкции Клейнборту, как человеку в высшей степени благонадежному в глазах полиции. Но беда уже стергла несчастного Соловейчика: жандармы со злорадством читали его переписку с Надеждой Слепцовой и, пользуясь этим, получили возможность взять под наблюдение переписку всей Цюрихской колонии с Россией.

Дав возможность созреть плоду, они арестовали и Соловейчика и всех прикосновенных к этому делу лиц: Клейнборта, Файнштейна, И. Кравца, Каневского, Бродского, а затем, установивши связи Соловейчика, и множество других лиц.

Во время обыска у Соловейчика (31 марта 1889 г.) жандармы нашли: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса, 3 экземпляра, «Кто чем живет», 4 экземпляра, «Чего хотят социал-демократы», 3 экземпляра, «Социал-демократ», 1 экземпляр, «Социализм и политическая борьба», 3 экземпляра, «Наши разногласия», 1 экземпляр, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, 1 экземпляр, «Рабочее движение и социал-демократия», 1 экземпляр, «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова, 1 экземпляр, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, 1 экземпляр, «Программа работников» Ф. Лассаля, 1 экземпляр, «Нищета философии» К. Маркса, 1 экземпляр, и его же «Наемный труд и капитал». Все это было оставлено Соловейчиком для своего собственного обихода в своей работе, так как он и сам, несомненно, думал заняться практической пропагандистской деятельностью среди пролетариата.

Соловейчик сидел в тюрьме, а жандармы, пользуясь взятыми связями и адресами, читали трогательные письма Н. Слепцовой, обеспокоенной долгим молчанием Соловейчика. Трогательной лаской, нежностью и тоской недобрых предчувствий веет от отрывков писем бедной эмигрантки, которая то мечтает, что ее «милый», наконец, устроится на заводе, и они вместе будут работать среди пролетариата, то, чуя своим любящим сердцем недоброе, заявляет, что в случае беды она пойдет за ним в далекие края ссылки, то просто после деловых строк напоминает ему: «не забывай и люби».

А жандармы, читая эти интимные излияния молодой пылкой любви, ухмылялись и наматывали клубок бесконечных имен, кличек и связей . . . пока, наконец, перепутавши все партии и направления, а, может быть, и преднамеренно, связали дело Соловейчика с делом Дембо, о взрыве в Цюрихе.

Соловейчик ничего не знал, как вдруг его, Файнштейна, Кравца, Исаака Гинзбурга и даже несчастного Клейнборта срочно телеграммой департамента полиции вытребовали в Петербург и посадили в Трубецкой бастион.

Заодно они привлекли к делу и множество постороннего народа, не имевшего к делу Соловейчика никакого отношения или имевшего

¹⁾ Истор.-рев. арх., 3-е дел., №446, 1888 г., об устройстве строгого негласного наблюдения за деятельностью проживающего в Херсоне Файнштейна.

отдаленную связь по сношению Соловейчика с кружком Абрамовича. Так как Соловейчик жил в Цюрихе и, естественно, был знаком не только с «освобожденцами», но и с народовольцами, то его и приплели к делу Дембо.

По делу Соловейчика непосредственно пострадали: Соловейчик, Иосель Дуговский, Григ. Файнштейн, И. Кравец, Г. Каневский, Ш. Клейн-борт, И. Гинзбург, Гр. Кушнерев (служащий юго-зап. ж. д., его одесский адрес нашли у Соловейчика), Г. Кравец и Е. Каган. Двое последних отделались тюрьмой, так как абсолютно никакого отношения к делу не имели, остальные поплатились жестоко: Файнштейн получил 3½ года одиночного заключения в «Крестах», М. Каневский, И. Кравец, Ш. Клейнборт и И. Гинзбург по 6 месяцев и Г. Кушнерев 4 м.

Дело о Слепцовой, А. Кравце, Барском и некоем Левкесе пришлось приостановить, как о находящихся за границей, точно так же, как и о И. Зелькере, который немедленно, узнавши об аресте Клейнборта и И. Кравца, бежал в Америку ¹⁾.

Соловейчик получил тоже 3½ года «Крестов», но жандармы так взялись за него, что уже в Трубецком бастионе он безнадежно душевно заболел. В его деле имеются отчеты врача бастиона Вильямса о ходе его болезни. Читая эти, исполненные цинизма издевательства над больной человеческой душой и вспоминая, что в то же самое время другая тоскующая душа не знает, что ее полные тоски и любви послания попадают не в руки любимого человека, а в руки палачей, проникаешься даже теперь жгучей ненавистью к этим решеткам, затворам и камерам и к этим палачам царского режима.

Соловейчика вскоре перевели в больницу Николая Чудотворца для душевнобольных. По отбытии наказания Соловейчик покончил с собой.

Что касается Н. Слепцовой, то, узнав об участии мужа, она выжидала окончания его дела, а когда дело повернулось так трагически, что она ничем помочь не могла, она, конечно, осталась за границей.

В связи с делом Соловейчика выясняется, что не только в Цюрихе, но и в других городах Западной Европы молодые эмигранты к концу 90-х годов стали образовывать кружки сочувствующих или сторонников группы «О. Т.». Был такой кружок, повидимому, в Берлине. По крайней мере, Григорий Гуковский, освобожденец, также привлеченный и по делу Соловейчика и по делу Дембо, говорит в своих показаниях о своих связях с немецкими берлинскими рабочими, среди которых он жил, работал и собирал деньги в пользу группы «О. Т.», и рассказывает о своей солидарности с программой группы «О. Т.». Имел Гр. Гуковский связи и с Аксельродом. Судя по тому, что, будучи еще в Цюрихе, откуда он и переехал в Берлин, Гуковский принадлежал к группе Соловейчика, он и в Берлине тоже развивал свои оппозиционные взгляды ²⁾.

Более или менее подробных и полных сведений об этих группах за период конца 80-х годов за границей мы к сожалению не имеем.

¹⁾ О Соловейчике и о связях его с Одессой и Херсоном и другими городами см. Истор.-рев. архив, 7-е дел., № 167, 1889 г., 3-е дел., № 446, 1888 г., 3-е дел., № 392, 1889 г., 3-е дел., № 1058-269, 1890 г., и 3-е дел., № 995-280, 1890 г.

²⁾ О Г. Гуковском см. Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т.т. IV и V, 1889 г.

Несомненно, однако, одно,—именно, что к концу 80-х г.г. престиж группы за границей стоял уже очень высоко: заграничные социал-демократы считают ее представительницей русского рабочего движения, и как таковая, она в лице Г. В. Плеханова и была представлена на международном Конгрессе в Париже в 1889 г.; в 1891 году группа ограничилась представлением только печатного доклада Конгрессу (в Брюсселе) от «литературно-политического обозрения «Социал-Демократ», так как никаких полномочий от русских организаций группа не получила,—отсутствие связей с Россией давало себя чувствовать (11).

VII.

Следующим конфликтом Плеханова с группой «молодых» было столкновение с Тышко-Грозовским и Розой Люксембург.

Здесь причины конфликта для нас уже более ясны. Д. Б. Рязанов указывает, что на почве практической это было отсутствие у группы популярной социал-демократической литературы, за издание которой энергично и взялись «молодые» под фирмой «Социал-демократической библиотеки» и с помощью «Русского Социал-демократического Союза». На почве же принципиальной яблоком раздора послужили более сложные вопросы.

Первым вопросом был вопрос о роли буржуазии и в частности буржуазной интеллигенции в предстоящем перевороте. Организуя зимой 1891—92 г.г. в Цюрихе «Общество борьбы с голодом», группа высказала взгляды, недружелюбно встреченные соц.-дем. в России (12). Особенно резко высказался по этому вопросу Плеханов во время большого голода в России в 1892 году в своей брошюре «Всероссийское разорение». Здесь, в конце книжки ¹⁾ Плеханов, выдвинувши три практических требования: 1) «немедленно найти средства» для продовольствия голодающих крестьян и безработных пролетариев, 2) «помочь русскому крестьянству восстановить свое земледельческое хозяйство» . . и 3) «сверху донизу переделать нашу финансовую систему», предлагал для осуществления этих мер объединиться всем «честным русским людям». Именно он говорил, что должны «все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т.-е. положить основы нового общественного порядка в России».

Как известно, эти мысли Плеханова были встречены неодобрительно в среде российских социал-демократов ²⁾. Ему пришлось даже разъяснять во второй работе по поводу голода («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), что совершенно напрасно некоторые русские товарищи в указанных нами выше местах его «Всероссийского разорения» увидели «мысль об отказе от классовой борьбы» и от социализма в сторону чистой политики ³⁾.

¹⁾ «Всеросс. разор.» Женеvское изд. 1892 г., стр. 36 и 37.

²⁾ См., например, М. Лядов, «История русской социал-демократии». Спб. Изд. 1906 г.

³⁾ См. стр. 74 «Писем». Жен. изд. 1892 г.

Плеханов подробно разъяснял, как нужно понимать его обращение ко «всем честным русским людям». Но как бы он ни объяснял это обращение, нужно сказать, что у русских товарищей было и без «Всероссийского разорения» много поводов, чтобы выяснить вопрос, как же относится группа «О. Т.» ко «всем честным русским людям».

Если обратиться к ближайшему сотруднику Плеханова, П. Б. Аксельроду, которого эволюцию мы проследили до окончательного формирования группы «О. Т.», то и в его работах 80-х и даже 90-х годов вопрос об отношении «ко всем честным русским людям» трактуется еще более неправильно, чем у Плеханова во «Всероссийском разорении». В своей брошюре «Рабочее движение и социальная демократия», изданной в Женеве в 1885 году, стало быть, уже тогда, когда группа «О. Т.» окончательно отмежевалась от народо-вольцев, в предисловии, Аксельрод, говоря о необходимости приступить к организации рабочей партии, между прочим, высказывает следующие мысли:

«Искренние друзья народной самодеятельности из высших и средних классов не замедлят, без сомнения, поддержать усилия рабочей интеллигенции на этом пути.

Чем энергичнее она будет преследовать эту цель, чем смелее и неустаннее она будет стремиться к достижению ее, тем больше будет расти число революционеров из так называемой у нас интеллигенции, которые почтут за честь состоять членами рабочих кружков и действовать ради них и от их имени. Несомненным последствием деятельности рабочей интеллигенции будет в конце концов то, что все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить, как теперь в Германии, все действительные друзья трудящихся классов населения»¹⁾.

Нечего, кажется, разъяснять, что мечта Аксельрода о помощи друзей «из высших классов» пролетариату в деле образования рабочей партии была остатком его народнических утопических верований; нечего также говорить, что другой народнический пережиток, — мысль о создании такой одной социалистической рабочей партии, которая составила бы из всех революционных кружков России и в которую вошли бы «все друзья трудящихся классов», эта мысль, несмотря на то, что уже в первой половине 900-х годов жизнь разбила иллюзии Аксельрода (было несколько «социалистических» партий и даже у пролетариата их было две — меньшевики и большевики), остается в произведениях Аксельрода и позже. Так, в статье «Задачи рабочей интеллигенции в России», напечатанной в единственном номере «Социалиста» и изданной отдельным оттиском в Женеве в 1889 г., Аксельрод, толкуя все о том же вопросе, необходимости создания рабочей партии в России, между прочим, делая ссылку на свою брошюру 1885 г., из которой мы только что привели здесь цитату, говорит: «В последнее время наша революционная молодежь начинает сознавать, что одних только собственных сил ее далеко недостаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с пра-

¹⁾ «Рабочее движение и социальная демократия», Женева, 1885, стр. XV.

вительством. Многие или по крайней мере некоторые из ее представителей поняли, что для обеспечения успеха этой борьбы необходимо заручиться деятельным сочувствием и серьезною поддержкою со стороны фабричных рабочих. Пусть же развитые представители последних спешат воспользоваться этим настроением революционной интеллигенции для создания, при ее помощи и совместно с нею, самостоятельного рабочего движения в России. И чем энергичнее и упорнее будут они преследовать свою цель, тем скорее теперешнее, далеко не лестное, мнение образованных людей о наших рабочих уступит место сочувствию и уважению к ним. Вместе с увеличением рабочих кружков и объединением их в один союз, будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступить в них членами. Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить все действительные друзья трудящихся классов населения»¹⁾.

Как видим, если даже оставить в стороне народническую терминологию Аксельрода («социалисты-революционеры») ²⁾, в самой постановке и разрешении вопроса и здесь остается все тот же старый народнический утопический дух: из всех революционных кружков и всех друзей трудящихся классов, по мнению Аксельрода, составитсЯ единая рабочая партия России.

И это не случайность. Эта мысль остается вообще присущей Аксельроду и впоследствии. Он ее развивает и в 1896 г. в своем послесловии к брошюре «Об агитации», он так же высказывается и в работе «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» в 1898 г., он, как известно, и на втором съезде солидаризировался с резолюцией об отношении к либеральной буржуазии, расходившейся с мнением Ленина и Плеханова.

В указанном послесловии к брошюре «об агитации», он в заключение говорит: «... одной из важнейших задач русской социал-демократии является приобретение пролетариату союзников и симпатии в среде тех слоев населения и их идеологических представителей, которые терпят от общественно-политического строя современной России и заинтересованы в ее прогрессивном движении. Эта задача является одним из важнейших моментов, которыми должна определяться тактика русских социал-демократов, потому что игнорирование ее может повлечь за собою, если не истощение сил движения, то крайнее замедление их роста и развития. Развившаяся же в 80-х годах привычка относиться как к историческим *quantités négligeables* ко всем явлениям русской жизни, непосредственно не входящим в круг взаимных отношений капиталистов и рабочих, — эта привычка заключает в себе обратную тенденцию: тенденцию к поли-

¹⁾ «Задачи рабочей интеллигенции в России». Женева, 1889 г., стр. 16. Конечитаты взяты Аксельродом из «Рабоч. движ. и соц.-дем.».

²⁾ Нельзя смешивать этот термин с тем названием, которое носила партия Чернова: «социалистами-революционерами» назывались социалисты всех партий в 80-е годы.

тическому изолированию нашего пролетариата»¹⁾. Это учение Аксельрода об «изоляции» пролетариата в случае пренебрежения им движения буржуазии против самодержавия по сути дела есть то же самое учение о рабочей партии из всех друзей трудящихся классов, но только в замаскированной форме.

В брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» Аксельрод, истолковывая программу группы «Освобождение Труда», совершенно справедливо указывает, что и в этой программе основатели группы придавали огромное значение роли пролетариата, как руководителя всех слоев населения, враждебных самодержавию. Совершенно правильно толкуя первую программу группы, Аксельрод и здесь продолжает развивать старые мысли о привлечении социал-демократией «всех истинных друзей прогресса в России, как бы отрицательно они ни относились к теориям и окончательным целям социальной демократии»²⁾.

Как видят читатели, опасения русских социал-демократов были далеко не напрасны, если по важнейшему основному вопросу, разделившему российскую социал-демократию уже в 1898 г. на два враждебных лагеря, и Плеханов и его ближайший соратник высказывались первый только неясно, а второй весьма ясно, но неприемлемо для социал-демократии.

Это обстоятельство тем важнее, что вместе с тем в группе царило единодушное мнение насчет того, что в России и социал-демократии-то никакой не существует. По крайней мере еще в третьей книжке «Социал-демократа», стало быть, в 1890 г., Плеханов заявлял: «мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что последователей Маркса и Энгельса много даже у нас в России. Нет, у нас только еще началось распространение марксизма. В России есть ученые, понимающие теоретическое значение научного социализма; но почти нет марксистов-агитаторов, нет людей, посвятивших свои силы практическому делу организации политического просвещения пролетариата»³⁾ (13). Это, конечно, неверно. Именно ученых, теоретиков-марксистов, в России было очень мало: только что выступал со своими статьями П. Н. Скворцов, только что развивался безвременно погибший Н. Е. Федосеев, еще только формировали свое мировоззрение Ленин и Мартов. Зато марксистов-агитаторов, достаточно усвоивших учение Маркса, чтобы приняться за практическую работу, и принявших за нее, было уж не так мало. Достаточно указать на «партию русских социал-демократов» в Петербурге, действовавшую еще в 80-е годы, на кружок Точисского там же, на брусневцев в Петербурге, в Москве, Туле, Харькове, на Абрамовича в Киеве еще в 1889 г., на Соловейчика, на Рязанова в Одессе, наконец, на рождавшиеся группы в других городах, например, в Пензе, как станет очевидным, что приведенное мнение проистекало оттого, что группа «Освобождение Труда» просто растеряла свои связи с Россией после ареста своего незаменимого практика-организатора Л. Г. Дейча и до самого конца 80-х годов или, вернее, до начала 90-х годов новых связей не установила.

¹⁾ «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода, стр. 43, 1896 г.

²⁾ «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, изд. Союза русских соц.-дем., 1898 г., стр. 13.

³⁾ «Социал-демократ», № 3, Женева, 1890 г., стр. 98.

Связи эти появились только тогда, когда представители русских социал-демократических организаций, выросших отчасти независимо от влияния группы, явились за границу. Тут и произошел конфликт: группа попрежнему думала, что этих представителей нужно учить азбуке, а они требовали чего-то большего, ибо они часто самостоятельно выучивались этой азбуке. Можно на это сказать: они плохо усвоили эту азбуку, и их нужно было переучивать. Бывало и это. Но, во-первых, и сама группа не сразу отшлифовала свою теорию: ведь между первой программой группы и программой 1887 г., как это указывал еще Д. Б. Рязанов¹⁾, большая разница; а, во-вторых, ведь и на то, что сама группа впадала в противоречия, указывали те же русские социал-демократы. Взять хотя бы Лассальянскую программу «партии русских социал-демократов» (группы Благоева): разве блagueвцы при всех своих теоретических погрешностях не кивали головой на признание группой террора в первой программе и разве лассальянские ассоциации не были общи и первой программе группы и программе блagueвцев?

Взгляды Аксельрода на процесс формирования партии, разве это не были грехи все против той же теории Маркса и нет ли сходства во взглядах Аксельрода на роль буржуазии в революции с некоторыми взглядами позднейших «экономистов» по этому вопросу? Дело, значит, здесь не в теории,—авторитета Плеханова и вообще всей группы вплоть до возникновения рабочедельчества и рабочемысленства среди русских социал-демократов никто и не оспаривал. Дело в том, что наехавшие из России социал-демократы, хотя и не прочь были, по крайней мере некоторые из них, переучиться, требовали, кроме того, и признания и за ними, практиками, некоторого значения в общем деле. Только что сказанное относится к тем первым конфликтам, которые происходили до конфликта с экономизмом, конфликта, выросшего из другой почвы, чем конфликты 80-х и начала 90-х г.г.

Как бы то ни было, Тышко и Роза Люксембург в вопросе об издательстве группы были на стороне «молодых», и это, конечно, поставило их сразу во враждебные отношения к Плеханову. Дело осложнилось еще отношением Плеханова к польским социалистам. Как рассказывает тов. Мархлевский²⁾, и это подтверждается историческими документами, Роза Люксембург первая показала буржуазный характер Р. Р. С. и ее программы. Плеханов же тогда поддерживал (на Цюрихском конгрессе) Р. Р. С. Таким образом, стремление энергичного Грозовского вместе с Б. Кричевским начать издание популярной социал-демократической литературы, в которой так нуждались в России, осложнилось вопросом о представительстве Розы Люксембург на конгрессе от Польши: разлад между Тышкой и Плехановым сыграл решающую роль, и мандат Р. Люксембург не был признан³⁾.

Разлад этот, впрочем, не помешал «молодым» развить довольно большую издательскую деятельность. Они издали за пять лет следующую литературу: «Первое мая 1892 г.»—четыре речи с предисловием Б. Кричевского, Б. Кричев-

¹⁾ Н. Рязанов. «Материалы для выработки парт. прогр». Т.т. I и II, изд. группы «Борьба», Женева, 1903 г.

²⁾ Ю. Мархлевский. «Письма Р. Люксембург и Л. Иогихеса». «Комм. Интернационал», № 3.

³⁾ См. Д. Рязанов. «Под знаменем марксизма», 1923 г., кн. № 11—12.

ский: «Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу», К. Маркс: «Наемный труд и капитал», пер. Б. Кричевского и его же пер. «18-е Брюмера Луи Бонапарта», К. Каутский: «Основные положения с. - д.» («Эрфуртская программа», перевод и предисловие Б. Кричевского); издания группы «Популярной библиотеки: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочая революция», «Международный конгресс», «Как министр заботится о рабочих», два издания, «Что сделали русские цари для народа», «Рабочий день», Н. Ленин: «Объяснение закона о штрафах», «10-летие Морозовской стачки», с послесловием В. Засулич, «С. Петербургский рабочий листок № 2». (В этом списке нет полемической литературы, которая относится уже к периоду борьбы «Экономистов» с группой «Освобождение Труда».)

Группой за этот период было издано гораздо больше всякого рода литературы, но это произошло опять-таки под давлением тех «молодых», которые требовали более интенсивной работы в этом направлении, дали группе связи с Россией и наполнили издания группы свежим жизненным материалом.

В 1893 г. в издании «Русско-социал-демократического союза» вышли: П. Аксельрод «Задачи рабочей интеллигенции в России» и Г. Плеханов «О социальной демократии в России» (на польском языке), в 1894 г. вышел Ф. Энгельс: 1) ответ Ткачеву, 2) послесловие к нему пер. В. Засулич и предисловие Г. Плеханова и «Рабочий день» (переделка с польского), но это последнее издание была уже работа «молодых»: переделку сделал В. Курнатовский из брошюры С. Грабского, польского социал-демократа ¹⁾.

В начале 1895 г. был основан «Союз русских социал-демократов». Этим союзом под редакцией группы «Освобождение Труда» были выпущены три двойных номера «Работника» (1 — 2, 3 — 4 и 5 — 6, вышел уже в мае 1899 г.), десять номеров «Листка «Работника», брошюры Д. Кольцова (Гинзбурга) «Царское правительство и рабочие», «Машина» (обе статьи из «Работника»), Кольцова же две брошюры (первая из «Работника»), «Три закона» и «Закон 2-го июня 1897 г.», Плеханова, — «Новый поход против русской социал-демократии», Аксельрода, — «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», Л. Мартова—«Современная Россия», Е. Кусковой и С. Прокоповича—«Мартовская революция в Германии в 1848 г.», Кусковой же—«Стачка лжи», С. Дикштейн—«Кто чем живет», «Материалы для характеристики положения русской печати», два выпуска, «Тайные документы к закону 2 июня» с предисловием, брошюра «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода, Ф. Ласаль—«О сущности конституции», прокламация о закрытии Вольно-Экономического общества («Простые меры русского правительства»), Н. Ленин — «Задачи русских социал-демократов» и Г. Плеханов—«В. Г. Белинский».

Здесь перечислена литература, вышедшая до «Работника» № 5 — 6, когда фактически группа «Освобождение Труда» устранилась от редакции

¹⁾ По свидетельству В. Перазича. По свидетельству т. Ерманского переделку брошюры Грабского осуществили Ерманский и Курнатовский.

изданий, и когда конфликт между «экономистами» и группой обострился до крайности ¹⁾).

Под влиянием каких же причин группа «Освобождение Труда» должна была пойти на образование «Союза русских социал-демократов» в 1895 г.?

VIII.

Мы видели, что конфликт группы и молодых, в лице Тышко и Р. Люксембург, не разрешил тех задач, которые встали перед русской социал-демократией во всей широте и глубине: обслуживание развивающегося массового рабочего движения, бурные проявления которого были не за горами.

Нужно было ожидать, что новые молодые силы должны притекать за границу все больше и больше и все теснее и теснее связывать русское социал-демократическое течение с группой «Освобождение Труда». Так это и было.

Русские социал-демократические кружки, начиная с конца 80-х годов, множились и развивались. Не связанные с заграницей русские социал-демократы хотя и с трудом, но очень часто самостоятельно вырабатывали свое мирозерцание. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, и хотя это не входит в задачу нашей статьи, однако, в связи с теми отношениями, которые завязывались между Россией и заграницей, необходимо сказать хотя бы несколько слов.

Социал-демократическое мировоззрение явно начинало охватывать не только революционные кружки Петербурга к концу 80-х годов, но и деятелей кружков провинциальных. Вот что, например, пишет один из прикосновенных к Киевскому и Нежинскому кружку Абрамовича: «Таким образом, отряхнув с себя пыль традиционного прошлого свободой, наш мужик, естественно, соприкоснулся в жизни не с юридической стороной ее, а с экономической; экономический принцип, как бы ни старались игнорировать его, делается преобладающим над всеми другими принципами народной жизни. Политика, наука, искусство, все нравственные и материальные силы человека так или иначе подчиняются ему. Он воодушевляет все лучшие предприятия нашего века, он дает цвет и направление историческим событиям; им же измеряется и сила, и слабость, и прогрессивность народов. Словом, эта, т.-е. экономическая, сторона народа всегда отделяется или выделяется из всех других сторон для развития формы и содержания» ²⁾).

Это звучит не так-то уж хорошо, по-марксистски, но само собой понятно, что автор за эзоповским языком скрыл то, что понятно всякому марксисту.

Самодержавие же само постаралось, чтобы эти первые русские социал-демократы, рассылаемые по разным городам, распространяли новое учение и находили себе новых учеников. В виде примера можно привести те связи, которые, например, существовали у Пензы, Саратова и Петербурга. В Пензе еще в конце 80-х годов жил один из первых участников благоевской группы, В. Благославов, и нет ничего удивительного в том, что в числе прочих и он

¹⁾ См. Ю. Каменев. «Указатель загр. соц.-демокр. изданий».

²⁾ Истор.-рев. арх. Указани. выше дело 4-го дел., № 97, л. 133, 1889 г.

оказал влияние на пензенскую молодежь. По крайней мере установлена связь его с Тепловым ¹⁾ и с Л. К. Агринской, тогда еще курсисткой в Петербурге. Агринская же в Петербурге вращалась в кружке молодежи, среди которой находились и многие сделавшиеся впоследствии социал-демократами, например, З. П. Невзорова (Жржыжановская, член «С.-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса»). В одном из своих писем к Агринской З. П. Невзорова спрашивает (от 9 января 1891 г.) Агринскую, где они, т.-е. тот кружок, в котором вращалась Агринская в Петербурге, собираются для чтения Маркса. В Пензе, как это видно из документов, существовали кружки самообразования и развития, где работал Благодославов. Судя по тем же документам, такие же кружки существовали и в Саратове. Характеризуя пензенскую работу, В. Благодославов говорит: «... Если кто и суетится, так одна молодежь, а взрослые (врачи, учителя et cet.) вымирают на все лады. Вот Саратов иная статья. Там наблюдаешь жизнь, серьезную жизнь разных поколений . . .»

Что эта была за жизнь, мы подробно не знаем, но мы знаем, что Благодославов был в первой группе социал-демократов в Петербурге, что и Агринская, связанная с ним, и ее муж Теплов сделали социал-демократами, что З. П. Невзорова была связана с пензяками («экономистами», как были они известны тогда; не следует смешивать с позднейшими «экономистами» конца 90-х годов), и что именно путем такой товарищеской связи и шло распространение социал-демократического учения в России, среди учащейся молодежи ²⁾.

Как же вырабатывала эта молодежь свое мировоззрение? Если среди такой молодежи оказывались люди, подобные Благодославу, как это было в Пензе, дело шло сравнительно легко; если же близко не было подобных людей, как это случилось в Одессе с Д. Б. Рязановым, молодым людям приходилось работать самостоятельно. Вот что, например, рассказывает именно Рязанов о выработке своего мирозерцания на вопрос жандармов при допросе: «Когда впервые я познакомился с учением социалистов? В России или за границей? Через кого и каким путем в обоих случаях, и что побудило меня потом заняться этим учением настолько, что сделало меня научным социалистом? Познакомился впервые с социализмом в России из книги Чернышевского «Что делать?». Первые понятия об истории социалистических учений почерпнул из книги Д. Щеглова «История социальных систем»; мне тогда было 15 лет. От кого я получил ее, я объяснить не могу. Следует припомнить время, в какое я воспитывался. Время это было время деятельности «Народной Воли», когда революционные идеи слишком были распространены, и когда эти идеи, конечно, не могли не залетать в гимназии. В 1886 г. я был уволен из пятого класса за неуспехи в греческом языке. Выйдя из гимназии, я не бросал занятий. Занимался я по истории политической экономии, отчасти по юриспруденции (специально изучением первобытных учреждений). Никто не руководил мной при выборе книг для чтения.

¹⁾ Истор.-рев. арх., О.о., № 232, 1900 г., о сыне кр. б. ст. Н. Александр. Инст. Павле Фед. Теплове.

²⁾ О В. Благодославе и Л. К. Агринской. Истор.-рев. арх., 3-е дел., № 937, 1891 г., «о дочери тит. сов. Л. К. Агринской».

Я наводил справки как в каталоге систематического чтения, изданном Распоповым, так и в других справочных изданиях. В 1889 г. я поехал за границу, где и продолжал изучать историю и политическую экономию, но уже пользовался литературой и на иностранных языках (французском и немецком преимущественно). Тогда же я прочел сочинения Маркса и Энгельса. И за границей никто не руководил моим чтением»¹⁾.

Современный молодой коммунист, знающий, что представляет из себя книга Д. Щеглова, из которой почерпал сведения ныне лучший знаток истории социализма Д. Б. Рязанов, давший уже несколько классических изданий Маркса и Энгельса к услугам нашей молодежи, современный счастливец, молодой коммунист, может сказать: вот и права была группа «Освобождение Труда», когда она не хотела прислушиваться к «молодым», изучавшим историю социализма по Щеглову. Дело, однако, в том, что такие молодые люди, как Рязанов, от Щеглова переходили, как видим, к изучению Маркса в подлиннике, а кроме того ведь они приезжали за границу от настоящей живой работы среди рабочих, чего у группы «Освобождение Труда» не было. И прав, конечно, отчасти тот же Д. Б. Рязанов, когда он характеризует группу «Освобождение Труда», как «литературную фракцию»²⁾.

Да кроме того, если русские социал-демократы не могли еще в конце 80-х годов похвалиться выдержанностью своих воззрений, то ведь и за границей в то же время противоречия, которые замечались между первой и второй программой, поселяли значительную сумятицу в головах молодежи. Вот что, например, по этому поводу пишет какой-то социал-демократ из-за границы к поднадзорной Э. О. Гордон (от 23 августа 1887 г.) в Холмогоры: «... В настоящую минуту более всего здесь, за границей, как говорят в России, также заняты программными вопросами. Большинство, как мне известно, находит, что старая программа неудовлетворительна, и требует известных поправок. Существующая социально-демократическая программа также не считается удовлетворительной и к ней относятся даже враждебно...»³⁾.

И за границей, стало быть, молодежь бродила ощупью и искала ответы на проклятые вопросы, и не вся она шла за группой «Освобождение Труда». Это подтверждается и рассказом тов. Хинчука, рисующего положение дел Бернской колонии в начале 90-х годов. «В Берне,—говорит он,—образовался кружок из 12 — 13 человек. В этот кружок вошли я, Шлихтер с женою, тогда еще Лувишук, и другие. Настроение было бодрое, боевое. Из этого кружка только я и Шлихтер с женою приняли точку зрения «Наших разногласий» или группы «Освобождение Труда»⁴⁾.

Но как бы то ни было, приток свежих сил из России влиял на группу. В первой половине 90-х годов за границей уже много молодых русских социал-демократов; кроме уже упомянутых Хинчука, Шлихтера, Рязанова, необходимо назвать Кузнецова из Нижнего, Лейтайзена из Екатеринослава,

¹⁾ См. приложение к работе Н. Л. Сергиевского.

²⁾ Дело одесского жанд. упр., № 160, 1891 г., см. также прилож. к статье Сергиевского.

³⁾ Истор.-рев. арх., 4 дел., № 97—1889 г.

⁴⁾ См. «Пролет. рев.», № 7, 1922 г.

В. Д. Перазича, В. Курнатовского (правда, только переходившего на сторону социал-демократов), П. Ф. Теплова, Теслера и многих других.

В. Д. Перазич попал туда (в Вену) после отсидки в Крестах по харьковскому делу Ю. Д. Мельникова. По его словам, правильно организованной фракции до приезда Теплова в Вене не было. Отдельные социал-демократы (в частности и Перазич) связывались с немецкой социал-демократией, посещали рабочие собрания и, конечно, собирались вместе, спорили, читали рефераты, собирали деньги на революционные цели и в том числе и на группу «Освобождение Труда». Особенной энергией отличался в этом отношении сам Перазич.

Связи с группой «Освобождение Труда» у венских социал-демократов, так же, как и у берлинских, были. В. Д. Перазич рассказывает ¹⁾, что ему пришлось даже сделать для Плеханова перевод нескольких глав из «Святого Семейства» Маркса, ни одного экземпляра которого не мог нигде достать Плеханов, и редкий рукописный экземпляр которого Перазичу удалось получить у одного немца.

С приездом Теплова дело изменилось, и он очень быстро организовал среди венских социал-демократов из России кассу, большая часть средств которой шла на дела русской социал-демократии ²⁾.

Теплов, вообще, играл большую роль в жизни заграничной социал-демократии и в том расколе, который потом разыгрался в конце 90-х годов между Плехановым и «экономистами», и потому хотя в данной статье вопроса об экономизме мы касаться не будем, скажем несколько слов об этой интересной фигуре нашего движения.

Павел Федорович Теплов родился в 1867 г. Учился он сначала в земской фельдшерской школе, затем в земледельческом училище и в Ново-Александринском институте. Еще будучи в Пензе, в конце 80-х и начале 90-х годов он участвовал в пензенском кружке, несомненно социал-демократическом, известном под именем пензенских «экономистов». (Быть может этот кружок носил тот характер переходного типа, каким отличались многие кружки этого периода) ³⁾.

В кружке этом участвовали кроме уже упомянутой Л. К. Агринской (впоследствии жены Теплова) еще следующие лица: ученицы Пензенской губернской фельдшерской школы: Н. Ф. Абрамова, Е. Г. Сюзюмова и Л. М. Майорова, жена В. Благодлавова (тогда помощника секретаря Пензенского окружного суда) О. П. Благодлавова, дочь нотариуса Анна Готовцева, ученик фельдшерской школы Леонид Сарычев и П. Ф. Теплов.

В 1891 г. Теплов уехал за границу и жил там, ведя деятельную работу как по самообразованию, так и по собиранию социал-демократических сил и по установлению связей с русскими социал-демократическими организациями.

Из его переписки с Л. К. Агринской ⁴⁾ видно (об этом подробно рассказывается в работе Н. Л. Сергиевского), что он завязал связи с Петербургом,

¹⁾ Личное сообщение.

²⁾ См., например, истор.-рев. арх., О.о., № 304, 1898 г.

³⁾ Указ. выше дело, О.о., № 232, 1900 г.

⁴⁾ Истор.-рев. арх., 3-е дел., № 937, 1891 г. См. в прилож. к работе Н. Сергиевского переписку Теплова с Агринской.

Пензой и другими городами (например, с Москвой) и наладил дело доставки литературы в Россию.

На чьей стороне оказался Теплов, когда разыгрался конфликт между Плехановым и Грозовским, неизвестно, но вскоре после этого мы видим его с Б. Кричевским, с которым он потом работал вместе в «Рабочем Деле».

В начале же и в первой половине 90-х годов и петербургские социал-демократы связываются с группой «Освобождение Труда», — П. А. Красиков, А. Н. Потресов и В. И. Ленин ездили за границу к Плеханову. Приток и воздействие таких молодых сил и заставляет группу «Освобождение Труда» созвать первый съезд представителей заграничных групп социал-демократов, который и происходил в начале 1895 г., и где был основан «Союз русских социал-демократов».

Кто был представителем на этом съезде, от каких групп и сколько было всех таких представителей — неизвестно. Есть туманные указания в жандармских архивах, но, в виду невозможности проверить их, ничего положительного об этих данных сказать нельзя ¹⁾.

Основанием «Союза русских социал-демократов» в начале 1895 г. и заканчивается первый период истории группы «Освобождение Труда».)

Подведем теперь итоги всему сказанному в нашей статье.

Революционное движение конца 70-х годов закончилось кризисом и расколом летом 1879 г. Происшедший раскол был неизбежным следствием развития тех общественных сил, которые выдвигались на политическую арену экономическим развитием страны. Крепнувшая буржуазия выделяла многочисленные слои радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая уже более не могла мириться с самодержавием.

Попытки этой интеллигенции оформить свое классовое мирозерцание вылились сначала в программах мелкобуржуазного утопического социализма и вполне отражали стихийное настроение многомиллионного крестьянства.

Дальнейшая капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии радикальной интеллигенции, а процесс, создавший пролетариат и пролетарское движение, создавал и условия, с одной стороны, для выработки теоретиков пролетарского социализма, а с другой—для создания героев и борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова. Так произошла эволюция, смысл которой заключается в том, что одна часть революционной интеллигенции 70-х и 80-х годов эмансипировалась от мелкобуржуазного социализма в сторону либеральной буржуазии (зародыш у Присецкого, Якубовича, Корбы и т. п.), а другая—в сторону научного социализма Маркса и Энгельса (14).

Эта эмансипация началась у Плеханова еще в период распада «Земли и Воли» и закончилась решительно к 1882 г., у его товарищей примерно к тому же периоду.

¹⁾ В деле Истор.-рев. арх., № 420, 3-е дел., 1893 г., говорится, будто на этом съезде были: от Цюриха—Теплов, Курнатовский, Каган, дев. Слепян, Шмулевич, Полинковский; из Карлсруэ—Петерс, Баранов и Юшлевич; из Мюнхена—Яновский и Планков. Трудно предположить, чтобы на таком съезде не было представителя от группы «О. Т.». Да, впрочем, и дата этого съезда указана 8—11 августа?

Осенью 1883 г. начинает жить социал-демократическая организация — группа «Освобождение Труда», и закладывается первый теоретический фундамент рабочей партии и программы в России.

Господство реакции в России и развал «Народной Воли», потери, понесенные в связи с этим как группой, так русскими революционными организациями надолго, до конца 80-х годов, отрывают группу от создающихся в России социал-демократических организаций.

Первые русские социал-демократические организации отчасти вырастают из чернопредельческих рабочих кружков, отчасти самостоятельно, отчасти из народнических и народовольческих организаций ¹⁾.

По мере роста рабочего движения и роста таких социал-демократических кружков в России усложняются задачи русских социал-демократов, и является потребность приблизить теоретическую работу к потребностям практики.

Между тем группа «Освобождение Труда» и за отсутствием связей с Россией и за отсутствием средств и сил не в состоянии удовлетворить этих запросов, этой потребности.

Приток свежих молодых сил за границу в конце 80-х годов дает группе «Освобождение Труда» связи с русскими социал-демократическими кружками, а домогательство этих кружков принять участие в работе группы создает первый конфликт «молодых» с группой (Соловейчик и Слепцова) и основание «Русского социал-демократического Союза».

В начале 90-х годов в силу тех же причин возникает новый конфликт между группой «Освобождение Труда» и «молодыми» (Грозовский и Р. Люксембург) и возникает «Социал-демократическая библиотека» (1893 — 1895 г.). Приток новых сил начала 90-х годов и укрепление связей с Россией и приводит к созданию «Союза русских социал-демократов» в начале 1895 г.

Таким образом, собственно, в конце 1894 г. завершается первый период жизни группы «Освобождение Труда», период теоретической выработки основ программы партии.

Группа «Освобождение Труда» изложила для русских социал-демократов основы учения Маркса, произвела критику революционных идеологий с точки зрения этого учения, наметила путь дальнейшего развития революционного движения в России и поставила вопрос о создании российской рабочей социалистической партии.

Разрешить этот последний вопрос удалось уже во второй период истории группы «Освобождение Труда», когда созрели в России такие крупные силы, как Ленин и Мартов, и такие сильные организации, как «Союзы борьбы» и комитеты Р. С. Д. Р. П., уже после Минского съезда в ожесточенной борьбе с экономизмом и либеральной буржуазией.

Но это уже второй период истории группы (1894 — 1903 г.г.).

В. Невский.

---

¹⁾ См. ниже вступительные замечания к «Зерну».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Николай—он, Н. Ф. Даниельсон, известный экономист-народник, много писавший по вопросам экономического развития России; переводчик К. Маркса. Главная его работа «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», Спб., 1893 г. Вел переписку с Марксом и Энгельсом.

В. В., В. П. Воронцов, народник-экономист. Главная его работа «Судьбы капитализма в России», Спб., 1883 г. К середине 80-х годов мысль о том, что капитализм сделал уже очень прочные завоевания в России, стала распространенной даже в революционной народнической среде. В интересной и мало кому известной брошюре (хранится в библиотеке Истор.-революц. арх. в Ленинграде), напечатанной нелегально в России не позже 1887 г., с целью ознакомления революционной публики, стоявшей на распутии и желавшей ориентироваться в том хаосе, который царил на развалинах «Народной Воли», неизвестные авторы собрали всякого рода статьи, рассматривавшие вопрос о развитии и дальнейшем направлении революционного движения. (Вот содержание брошюры: «От издателей», «Переходный момент нашей партии» П. Аксельрода, «Социализм и народничество», «Очерк развития социально-революционного движения в России», Н, «Социализм в революционном движении интеллигенции 70-х годов (историко-критический этюд».)) В статье «Социализм и народничество» неизвестный автор, анализируя современную экономическую жизнь, приходит к такому заключению: «По отношению к крупной капиталистической промышленности не подлежит, конечно, сомнению, прежде всего, самый факт ее существования...» (стр. 47); мало того, тот же автор признает, что «по отношению к нашему капитализму можно выставить то, что он является фактом растущим» (стр. 51). Но, признавая это, автор далее утверждает, что когда вопрос ставится о будущей роли капитализма в русской жизни, то «здесь уже все является предметом спора». Признавая даже факт распада общины («Вообще существование самого процесса распада общины, повидимому, признается всеми...»—говорит автор на стр. 60) и принимая во многих частях учение Маркса, которое автор излагает, он (автор), однако, сомневается, что процесс перехода от капитализма к социализму будет очень длителен... и потому приходит к заключению, что единственно пригодной программой для России может быть только народническая. Впрочем, программа эта рисуется как эклектическая смесь программ народнической и социал-демократической. Автор говорит по этому поводу: «Само собою разумеется, что интересы рабочего пролетариата никоим образом не могут игнорироваться народнической партией, и требования социал-демократической программы, если отбросить их исключительный характер, должны входить, как составная часть, в общую народническую программу, но они не могут стоять в ней на первом плане, так как главное ядро рабочей массы народа составляет еще до сих пор и будет еще долго составлять не рабочий, а крестьянин, и потому народное направление долго еще будет означать, главным образом, направление крестьянское» (стр. 87).

Интересно сравнить это желание автора соединить социал-демократов с народниками и взгляд П. Б. Аксельрода по вопросу о создании рабочей партии, как этот взгляд

выразился в 1885 и даже в 1889 году. Вот что, например, Аксельрод говорит в книжке «Задачи рабочей интеллигенции в России», вышедшей в 1889 г.: «Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты-революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить «все действительные друзья народа» (стр. 16).

Если даже П. Б. Аксельрод после таких работ, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханова, приглашал всех друзей народа в одну рабочую партию, то чего же было ожидать от народников?

2) «Община»—журнал, издававшийся в течение 1878 г. за границей, в Женеве. Вышло 9 объемистых номеров. По словам П. Б. Аксельрода («Пережитое и передуманное», стр. 200 и 201), этот журнал явился преемником «Работника», издававшегося в 1875—1876 г. группой Ралли. Редакция «Общины» состояла из двух человек—эмигрантов из группы «Работника», Ралли и Н. И. Жуковского, и Д. А. Клеменца и П. Б. Аксельрода. Вместо уехавшего Клеменца в редакцию вступил С. Кравчинский. Направление журнала было анархическое.

3) «Летучий Листок» № 1 был написан Н. К. Михайловским и издан подпольно в апреле после выстрела В. Засулич в Трепова. См.: «Революционная журналистика 70-х годов», изд. Басилевского, 1895 г. Paris, стр. 111—113. О взглядах Михайловского на революционное движение см. наши «Очерки по истории Р. К. П.», изд. «Прибой», т. I, стр. 91.

4) «Вольное Слово»—еженедельное издание. Издавалось в Женеве эмигрантом, украинифилом-федералистом Драгомановым тетрадями в $\frac{1}{4}$ листа. Издавалось на деньги русского министерства внутренних дел при участии агента 3-го отделения Мальшинского.

В 1881 году, когда в «Вольном Слове» печатались статьи П. Аксельрода, вышло всего 22 номера. Об участии в этом органе Аксельрода см. последнюю главу его «Пережитое и передуманное», Берлин, изд. Гржебина, 1923 г. Об отношении к революционерам Драгоманова см. в «Пролет. револ.», № 8 (20)—1923 г. в статье Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «О. Т.»). О Мальшинском и об отношениях к нему и Драгоманову Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» материалы по истории русск. револ. движения. Берлин. Изд. 1924 г. Стр. 45—61.

5) Речь П. Б. Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре напечатана в № 13 «Вольного Слова» за 1881 г., см. также «Пережитое и передуманное» П. Б. Аксельрода, стр. 381, глава XVI.

6) Статья И. Н. Присецкого была напечатана в № 10 «Вольного Слова» за 1881 г. См. у Аксельрода в XVI главе «Пережитого и передуманного», а также наше приложение.

Иван Николаевич Присецкий родился в 1858 году. Учился в полтавском кадетском корпусе и в военном инженерном училище. Не окончив курса, Присецкий примкнул к революционному движению. В 1881 году мы находим его за границей в качестве яркого приверженца «Народной Воли». В 1883 году он был арестован в Киеве и в 1885 г. выслан в административную ссылку в Восточную Сибирь, а по отбытии ссылки в 1889 г. возвращается в свое имение (в Полтавской губ., Зеньковского уезда). С этого момента начинается легальный период его деятельности и осуществление тех идей, которые он высказал в печатаемом ниже письме в «Вольном Слове»,—работал в земстве, был гласным и прошел в первую Государственную Думу по списку конституционно-демократической партии. Умер 12 сентября 1911 г. в Крыму, на собственной даче в Алушке (См. Я. Имшенецкий в сборнике: «К десятилетию первой Гос. Думы», изд. «Огни», Петроград, 1916 г., стр. 201—203).

Об эволюции народолюбчества к либеральной буржуазии, именно о заявлениях Якубовича и Корбы на суде, а также о «Социалисте» и «Свободной России» см. у Г. В. Плеханова в его предисловии к «Истории революционных движений в России» проф. Туна, Петербург, изд. Рутенберг, 1906 г., стр. 49—53.

7) О роли Л. Г. Дейча, как мы очертили ее в тексте, высказывается и редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» (Материалы по истории русского революционного

движения, т. II. Русский революционный архив. Берлин, 1924 г., стр. 85—86). Он приводит следующую выдержку из второй, уже подготовленной к печати части воспоминаний П. Б. Аксельрода: «На плечах Л. Дейча лежали все материальные и административные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была революционно-настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, — вообще, вел всю административную работу группы. Через него шла также вся деловая переписка между мною и женевскими товарищами».

8) О роли Саула Гринфеста см. в названной выше книге «Из архива П. Б. Аксельрода» стр. 85 — 108. Саул Гринфест, принимавший участие в революционном движении с конца 70-х годов, организовал в 1880—81 г.г. в Минске вместе с Рольником и Гецовым типографию «Черного Передела». В конце 1882 г. все они эмигрировали; в Цюрихе они явились к П. Б. Аксельроду. Гринфест примкнул к группе и, как это видно из его переписки с Аксельродом, недолго исполнял роль организатора в группе. Аксельрод считает, что на этом поприще С. Гринфест не мог заменить Л. Дейча. Это, конечно, верно; так, напр., в конце 1883 года Гринфеста командировали в Россию для укрепления связей группы с русскими революционными кружками. По словам Аксельрода, миссия Гринфеста не дала почти никаких результатов не только потому, что в революционном движении в России уже начинался разброд, но и потому, что сам Гринфест «оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел разыскать те революционные элементы, которые в то время еще оставались в России».

Это, может быть, и верно, но, как это выясняется из переписки С. Гринфеста, были и другие причины, мешавшие группе связаться с Россией. Прежде всего не совсем верно то, что будто бы в России совсем уж плохо обстояло дело с революционным движением. Судя по письму С. Гринфеста к П. Б. Аксельроду от 24 июня 1884 г., еще летом этого года группа имела связи с революционной организацией (быть может, чернопредельческой) в Петербурге. По крайней мере Гринфест приводит в своем письме к Аксельроду письмо, полученное из Петербурга (см. письмо второе на стр. 91 книги «Из архива П. Б. Аксельрода»). В этом письме, действительно, рисуется развал, наступивший в России. Но, однако, эта существующая в Петербурге организация не только существует, но и обещает усиленную помощь издательству группы «Освобождение Труда».

«Дело издания нашей библиотеки встретило здесь чрезвычайное сочувствие: обещают доставить способы провоза, литературное сотрудничество, предлагали уже материальные средства 400 руб., если я ручаюсь за надежность завязывающихся отношений»... Так пишет неизвестный русский корреспондент.

Были связи у группы и с каким-то соц.-демократическим или чернопредельческим кружком и в Вильне, как это видно из того же письма С. Гринфеста. Были, повидимому, связи и с другими городами, как, напр., с южными (Дрезденский-Слободской, — студент Дрезденского политехникума, повидимому, имел такие связи), но все дело в том, что связей этих группа не могла ни использовать, ни закрепить. Прежде всего, у группы не было людей. Петербуржцы летом 1884 г. писали: «....А еще лучше, если придете сами. Я полагаю, что Ваше присутствие в России теперь было бы весьма кстати и даже необходимо в виду желательной разработки и окончательного утверждения в головах путей революции, принятых группой «Освобождение Труда» (стр. 92 «Из архива П. Б. Аксельрода»). Послать, однако, группа никого не могла. Почему же группа не могла никого выделить для поездки в Россию? Просто потому, что группа замкнулась в самой себе и почти никого не принимала в свою среду, в свою маленькую тройку, — Плеханова, Аксельрода и Засулич. До 90-х годов или по крайней мере в течение 80-х годов в группу был принят на равных правах с тройкой только один новый член — С. Ингерман. По этому поводу редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» пишет (на стр. 86) следующее: «.... он (С. Гринфест) смотрел на группу «Освобождение Труда» как на кружок единомышленников, который должен непрерывно расширяться путем привлечения новых членов; себя он считал полноправным членом этого кружка и стремился вводить в него всех, кто только заявит о своем сочувствии принципам группы. Между тем, основатели группы смотрели на себя как на литературную ячейку, которая должна вербовать сторонников и создавать вокруг себя соответствующую периферию, но не растворяется в этой периферии и сохраняет свой строго замкнутый характер. Этот взгляд прово-

дился настолько последовательно, что за все время существования группы в нее был принят лишь один новый член — С. Ингерман, — а о приеме С. Гринфеста не было даже и речи.

Все это, быть может, так, но дело-то в том, что ведь и периферии-то по сути даже к концу 80-х годов не было создано. Эта периферия все еще в хаосе и разброде, и не разберешь, марксистская или народовольческая эта периферия.

Группа охраняла чистоту своих принципов и не пускала Гринфеста в свое «святое святых» и, однако, та же группа по первому же замечанию того же Гринфеста вносит исправления в свою программу. В письме к Аксельроду от 24 июня 1884 г. Гринфест пишет по поводу программы, выработанной группой и печатавшейся в типографии в Женеве, где жил Гринфест: «Мы думаем отпечатать ее, думаем так же, как Вы, печатать в виде проекта. Я думаю, что некоторые места следует яснее формулировать, яснее высказать взгляд группы на крестьянство, на аграрные нужды его. В программе, напр., сказано в числе ближайших требований: «пересмотр аграрных отношений» — фраза слишком общая» (из архива П. Б. Акс., стр. 94). Как совершенно правильно замечает редактор писем Гринфеста, эта общая фраза была заменена «более полной формулировкой»: «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.».

«...Пункт о сочувствии «Народной Воле», — замечает еще Гринфест в том же письме (стр. 94), — в ее террористической борьбе с правительством следует, по-моему, тоже изменить. Во-первых, слово «сочувствие» не удовлетворяет русскую публику, во-вторых, «Народная Воля» не представляет более собою партии, она не живет, а доживает, гораздо лучше будет, если группа выскажет свой взгляд на политический террор без всякой зависимости от «Народной Воли». Программе нашей следует придать не кружковое значение, а рекомендовать ее всем русским социалистам-революционерам, в том числе и народовольческим кружкам, так как все они не имеют теперь никакой программы и сознают это». Как известно, и этот пункт программы был изменен в направлении, указанном Гринфестом. Казалось бы после этого, что группа не побоялась поближе сойтись с такой «периферией», как С. Гринфест, который вносит весьма существенные поправки даже в программу группы. И, однако, этого не было. А между тем, как это видно все из тех же писем Гринфеста, самой-то группы людей, способных организовать свою периферию, и не было. По крайней мере к организаторским способностям Г. В. Плеханова С. Гринфест относится весьма скептически. Это видно из письма С. Гринфеста от 10 июня 1884 г., где он о Плеханове пишет: «Жорж очень мало думает о переорганизации группы; будь теперь несколько сот франков в кассе, он считал бы положение группы вполне удовлетворительным. Очевидно, он рассчитывает вполне на свою практичность, но я абсолютно не доверяю ей. Одно странное явление набрасывает тень на Жоржа, как на практика, это то, что он нравится людям только в начале знакомства, а как только поближе познакомятся с ним, то он перестает им нравиться и даже еще хуже»....

Итак, Дейча не было, Плеханов не был организатором, Аксельрод бился в тисках нужды, денег у группы не было, а она и не думала о расширении.

До какой степени группа была стеснена в деньгах, видно все из тех же писем Гринфеста, который, напр., в письме от 9 октября 1884 г., между прочим, пишет Аксельроду: «Я просил Вас, хотя был уверен, что не удастся Вам, одолжить где-нибудь на две недели 100 фр., через две недели Дрезденский (Слободской) обещал прислать несколько денег»....

Бедственное положение группы в финансовом отношении особенно ярко рисуется в письме Гринфеста от 30 ноября 1884 г.

Только с начала 90-х годов группа в финансовом отношении несколько оправилась, когда доктор Гурьев (шурин д-ра О. Веймара, осужденного на каторгу в 1880 г.) дал денег на издание «Социал-демократа», да и то четвертая книга именно из-за отсутствия средств вышла спустя два года после начала издания (февраль 1890 и весна 1892 г.). Еще раньше, в 1888 г. вышел литературно-политический сборник «Социал-демократ» на деньги радикального адвоката Кулябко-Корецкого.

Группа, стало быть, билась, как рыба об лед. Финансовое положение ее было очень тяжело и в первую половину 90-х годов; так тов. Ерманский рассказывает, что когда он

собрал несколько десятков франков в пользу группы в начале 90-х г. и привез их Плеханову, то его встречали как какого-то Креза.

Почему же в таком случае группа не пыталась включить новых членов и не сорганизовала периферию? Потому, что, быть может, она боялась затормозить выработку нового мировоззрения, а отсутствие организатора лишало ее как периферии, так и связей с Россией.

9) Сведения, сообщенные нами в нашей статье о Н. Слепцовой и Р. Соловейчике, равно как о некоторых других эмигрантах, находясь в разных делах и по преимуществу в делах, связанных с известным взрывом бомб в Цюрихе, во время которого погиб эмигрант Дембо.

Дело Дембо, вернее, связь этого дела с социал-демократической эмиграцией 80-х годов сводится к следующему:

Еще в 1884 году в Петербурге возникли военные кружки, т.-е. кружки военной учащейся молодежи. Одним из главных организаторов и руководителей этих кружков был Марк Брагинский и мичман Николай Шелгунов. Цель этих кружков очень хорошо видна из программы, обсуждавшейся и принятой на этих кружках (см. «Еженедельные Записки» Ленингр. Истор.-рев. арх. за 1886 год, от 4 по 11 августа). «Мы социалисты,—говорится в параграфе первом этой программы,—и конечная наша цель—осуществление социалистического строя в общественных формах. Мы считаем, что этот строй не только наиболее справедлив, но неизбежно вытекает из условий нашей исторической жизни». Во втором параграфе той же программы мы читаем: «Для успеха революции, в ней должны принимать участие все силы, заинтересованные в разрушении старого и создании нового общественного строя. Под словом «заинтересованные силы» мы понимаем те слои общества, которые выигрывают при разрушении старого строя. Мы считаем, что главное участие в революции должны принять наиболее эксплуатируемые слои общества, т.-е. простой народ, рабочие и интеллигентные пролетарии; но мы вполне допускаем, что могут явиться также революционеры из других слоев, не заинтересованных и прямо враждебных делу революции, хотя в таком случае эти лица не будут истинными представителями своей среды, как самостоятельного класса. Относительно войска можем сказать,—мы рассчитываем на его помощь, потому что оно есть часть народа и при нынешнем положении дел оно не представляет замкнутости и не теряет связи с народом».

Как видно из этого отрывка программы, в ней, как деятель революции, является рабочий класс. Несомненно, что именно это место программы военных кружков появилось в результате воздействия благоевцев (членов «партии русских социал-демократов») на военные кружки. В специальном исследовании, посвященном благоевцам, мы, совместно с тов. Сергиевским, подробно покажем это, а сейчас скажем только, что один из членов военных кружков прямо указывает на это влияние. Подпоручик Василий Шейдевант, член военных кружков, давший откровенные показания, между прочим, показывал: «... Так как еще бывая в кружке говорилось о том, что наша программа близко подходит к программе социал-демократов и следует познакомиться с ними поближе, то указанное лицо и было представлено от этой фракции». Этим лицом, о котором говорит Шейдевант, был Павел Шатько, член благоевской группы. Как выясняется из показаний инженера-технолога Николая Григорова, тоже благоевца, он, другой инженер-технолог Василий Данилов (и, может быть, еще один благоевец Петр Мефодиевич Редько) были на том собрании в Академии Наук (у одного из молодых людей, давших для этого помещение), где благоевцы и представители военных кружков обсуждали программу благоевской группы (в мае 1886 г.). Об этом определенно говорится в показаниях Григорова: «...Шелгунов тоже не скрывал своих симпатий к тому направлению (т.-е. благоевскому. В. Н.), говорил, что у него есть товарищи, более или менее разделяющие его взгляды в этом отношении, и обещал познакомить меня с ними. («Еженед. Записки», 1887 г., от 16 по 23 февраля.) Состав же одного из военных кружков был таков: мичман Николай Шелгунов, Марк Брагинский, Лев Бобровский, мичман Чернявский, артиллерийский офицер Эссен, ст. Александр Редько и, может быть, Петр Редько. Братья Редько были благоевцы.

Марк Брагинский и Николай Шелгунов были хорошо знакомы с Над. Ник. Слепцовой, и на ее квартире и происходили иногда собрания руководящего кружка. Таким образом Н. Н. Слепцова и была знакома с благоевцами и с их программой. А судя по тому, что читалось в этих кружках, можно с уверенностью сказать, что здесь-то и полу-

чила Н. Н. Слепцова первые начатки социал-демократического учения. Читались же там следующие книги: «Наши разногласия» Г. В. Плеханова, «Научный социализм» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Коммунистический Манифест».

Н. Н. Слепцова была, конечно, знакома и со многими военными молодыми людьми, в том числе и с офицером Дмитрием Бруевичем (см., например, обвинительный акт в № 4 «Соц.-демокр.», 1892 г. и в деле «О мешанке Софье Гинзбург, поручике Иване Чижевском и Петре Душевском» (Истор.-рев. арх., 3 делопр., д. № 47, т. VIII, 1889 г.), Луков Гаевским и друг.

Лука Гаевский познакомил Петра Душевского с Дмитрием Бруевичем, а тот пригласил его зайти к Н. Н. Слепцовой, где в 1886 году Душевский и встретился с Софьей Гинзбург.

Таким образом и завязался тот узел, который жандармы начали распутывать уже только после взрыва в Цюрихе. Дело о военных кружках окончилось в 1887 г., при чем Н. Н. Слепцовой удалось до суда уехать за границу.

За границей, как уже сказано выше, в 1887 году, именно в Цюрихе, была довольно многочисленная русская колония. Жил в этой колонии и Исаак Бринштейн под фамилией Дембо и Александр Дембский, оба эмигранты, бежавшие за границу, при чем Дембо привлекался жандармами еще по делу 1 марта 1887 года.

В числе знакомых Дембо и Дембского была Софья Гинзбург, слушательница Бестужевских курсов, товарка и знакомая Н. Слепцовой, бывавшая у нее (в течение 1882—1885 г.г.). В 1885 году С. Гинзбург уехала за границу и там вошла в «Кружок народолюбцев в Цюрихе», который поставил своей задачей убить Александра III. Вот что по этому поводу рассказывает Борис Исаевич Рейнштейн, бывший в те времена народолюбцем (ныне коммунист, член Коминтерна).

«Летом 1886 года выехал в Швейцарию, с целью уяснить себе и оформить социалистическое мировоззрение и вернуться для революционной работы в Россию. В Швейцарии в ту пору бушевала борьба между защитниками революционного народничества—народолюбчества—с одной стороны, и основоположниками социал-демократии—Плехановым, Аксельродом, Засулич и другими членами и приверженцами группы «Освобождение Труда»—с другой. Это была эпоха, когда революционное движение стояло на распутье между народолюбчеством и марксизмом. Я вскоре стал на точку зрения социал-демократии по вопросу о перенесении центра тяжести в революционной борьбе с крестьянства на промышленный пролетариат, по вопросу об ударности работы пропаганды, агитации и организации пролетариата, о необходимости издания марксистской литературы и проч., но все же не входил в контакт с приверженцами группы «Освобождение Труда» вследствие их индифферентного, если не открыто враждебного отношения к террору. А по моим тогдашним убеждениям, при режиме самой черной реакции Александра III, конца 80-х годов, когда всякое проявление революционной борьбы молча душили, и ни одна газета не могла даже пикнуть, систематический террор, ряд террористических актов был необходим не как средство, достаточное для свержения самодержавия, а как средство, стимулирующее работу агитации и организации промышленного пролетариата.

На такую же приблизительно точку зрения, сочетания социал-демократической пропаганды с террором, становились тогда и некоторые прибывшие в Швейцарию молодые эмигранты после провала покушения 1-го марта 1887 г., в связи с которым были казнены Александр Ульянов (брат Ленина), мой товарищ по Екаторинодару Пахом Андрешкин и другие. В числе бежавших в Швейцарию в связи с этим провалом были Говорухин из Петербурга и из виленской группы террорист Исаак Дембо (Бринштейн), Гнатовский (Прекер), Шарль Раппопорт и другие. Весной 1887 г. у нас создалась в Цюрихе организация под именем «Кружок молодых народолюбцев», ставившая целью продолжать террористическую борьбу и одновременно издавать и пересылать в Россию социалистическую литературу.

В ожидании возможности вернуться в Россию я занялся переводом марксистской литературы и перевел Маркса «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» и Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Этот перевод книжки Каутского появился в Швейцарии в 1888 г. под фирмой «Кружка молодых народолюбцев», как первое издание этой книжки на русском языке. Одновременно мне приходилось работать по отправке

транспортов нелегальной литературы в Россию. (В заграничном изд. «Из архива П. Б. Аксельрода», на стр. 35, в примечании седьмом указывается, что группой цюрихской молодежи была издана еще брошюра: «Введение к критике философии права Гегеля» К. Маркса с предисл. П. Лаврова. Ошибочно там же указано, что брошюра «Экономическое учение К. Маркса» Каутского была переведена Тарасовым (Русановым): перевод был сделан Б. Рейнштейном. В. Н).

Летом 1888 г. я начал работать в Берне, потом в Цюрихе с народоволкой Софьей Гинзбург, по изучению техники приготовления метательных снарядов. В Цюрихе к этой работе был нами привлечен тов. Исаак Дембо (Бринштейн). После нескольких опытов в окрестностях Цюриха Гинзбург уехала в Петербург готовить покушение на Александра III. Чтобы продолжать опыты, тов. Дембо привлек к работе члена польской организации «Пролетариат» Александра Дембского, тогда стоявшего на интернационалистской точке зрения. В марте 1889 г., когда они производили опыты в лесу около Цюриха, произошел случайный взрыв, смертельно ранивший Дембо и тяжело Дембского. В связи с этим из Швейцарии были изгнаны ряд русских эмигрантов и по выходе из больницы и Дембский».

Не только изгнаны, как говорит тов. Рейнштейн, но и арестованы. На обысках при этом были найдены разные адреса, заграничные и русские, а так как при этом в России 31 марта 1889 г. была арестована и Софья Гинзбург, то жандармы произвели огромные аресты (С. Гинзбург была арестована вследствие несчастной случайности: в Петербурге в магазине она забыла портмоне и в нем набросок прокламации, в которой говорилось о применении террора к Александру III).

Там же образом и была привлечена к этому делу масса народа, в том числе и эмигранты «освобожденцы». (С. Гинзбург была приговорена к смерти, которую заменили пожизненным заключением в Шлиссельбурге, где она и покончила с собой.)

В связи с привлечением многих «освобожденцев» учащих к делу Дембо мы и находим в этих делах материалы, рисующие жизнь «освобожденской» эмиграции.

Материалы эти находятся в делах Истор.-рев. архива в Ленинграде: 4 делопр., д. № 47, 1889 г.; том I и II «О воззвании преступного содержания, свидетельствующего о существовании злоумышления против священной особы государя императора»; том IV и V «О преступных революционных кружках среди учащей молодежи в Цюрихе»; в этих томах сведения о знакомстве Гинзбург со Слепцовой, показания Гр. Гуковского о жизни в Цюрихе и в Берлине и т. п.; показания офицера Чижевского о связях Слепцовой в России; т. VI «Об Александре Залкинде и других лицах», здесь показание офицеров по делу Н. Шелгунова и связь Шелгунова с благоевцами; т. VII «О Бунине, Бруевиче и других»; т. VIII «О мешанке Софье Гинзбург, Петре Чижевском, Петре Дуговском, Обвинительный акт по делу С. Гинзбург»; т. IX «О цюрихских революционных кружках» и т. X—дополнительная переписка. Кроме того, 4 дел., № 47, ч. I, т. I «Об Евг. Григорьевой, Михаиле Стояновском, Елизавете Гинзбург и других» и ч. I, т. II «Об образовавшихся среди цюрихской молодежи революционных кружках» и ч. I, т. III «О Петре Станиславе Витковиче и других лицах».

10) К сожалению, за неимением данных, мы не можем дать сведений о всех лицах, которых документы причисляют к «освобожденцам», и в литературе о многих из них тоже очень мало данных. Однако, о некоторых из этих лиц необходимо сказать несколько слов.

В № 4—5 «Рабочего Дела» (сентябрь—декабрь 1899 г.) помещен следующий некролог Г. Э. Гуковского: «В ночь с 17-го на 18-е мая покончил с собою в Среднем Колымске выстрелом из револьвера Григорий Эммануилович Гуковский. Припутанный к делу о цюрихских бомбах, он в 1889 году 17—18-летним юношей, был арестован в Аахене и препровожден в Россию, где был присужден к 4-летней высылке в петербургском «Кресте». 1894 год застал его там, и за отказ присягнуть Николаю II он был сослан по окончании срока высылки в Колымск на 5 лет. Искренний, живой и впечатлительный по натуре, Г. Э. принадлежал к числу тех людей, которые быстро завоевывают себе всеобщую симпатию окружающих. Еще в дороге он часто выражал свое беспокойство. Г. Э. по прибытии на место стал усиленно заниматься физическим трудом. Он был чуть ли не единственным из ссыльных, который занимался последним, как промыслом. Но отсутствие живой жизни давало себя, повидимому, чувствовать, и Г. Э. два раза пытался отравиться, но неудачно. В последнее время он не возбуждал более в товарищах ника-

кого беспокойства. Еще вечером 17 мая он весело беседовал со своими соседями, излагая им свои новые планы, и затем до двух часов ночи слышно было, как он возился на дворе с пилой и топором в руках. Утром 18 мая его нашли с накрытой подушкой головой (вероятно, чтобы заглушить выстрел) и опущенной левой рукой; правая с револьвером осталась на месте: смерть, очевидно, последовала моментально. В записке к исправнику, найденной на столе, он просил в его смерти никого не винить, а в записке к товарищам говорится только, что решился он на самоубийство потому, что не чувствует никакого желания дольше жить, так как не верит в свои силы; а жить, не участвуя активно в революционной деятельности, он не хочет. «Я всегда старался быть честным человеком; удалось ли это мне, пусть судят товарищи», так кончается его записка.

К этому необходимо прибавить, что Гуковский, не в пример некоторым из молодых своих товарищей, держался очень хорошо на допросах, и жандармы не выжали из него ни слова лишнего.

И. Гельфонд—Парвус. Вот что говорит Д. Б. Рязанов по поводу Парвуса в цитированном нами предисловии к письмам Г. В. Плеханова к Ф. Энгельсу («Под знаменем марксизма», 1922 г., № 11—12).

«... уже обративший на себя внимание статьями в «Neue Zeit» о Бем-Баверке и в «Vorwärts» о голоде в России, в действительности не принял никакого участия в работе новой группы. Он поместил только под фамилией Игнатьева в «Neue Zeit» подробный реферат о первомайских речах виленских рабочих, вышедших в издании «Социал-Демократической Библиотеки». С 1894 года он окончательно перешел в ряды немецкой социал-демократии. Только после приезда «молодых»—Ленина, Мартова, Потресова—он принял впервые участие в литературных органах российской социал-демократии» (стр. 9).

Б. Кричевский. О нем Д. Б. Рязанов говорит там же: «Главным литературным работником группы был Борис Наумович Кричевский (умер в Париже в 1919 г.). Ему принадлежат изданные группой переводы Маркса («Наемный труд и капитал», «18-е Брюмера») и Каутского («Эрфуртская программа»), а также две популярные брошюры («Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу»).

П. Ф. Теплов. После расхождения с группой «Освобождение Труда» в 1898 г. Теплов становится редактором «Рабочего Дела» (первый номер вышел в 1899 г.) вместе с Б. Н. Кричевским. Приехав в Россию по делам «Союза» в 1900 г., он попадает в руки жандармов и уходит в ссылку в Якутскую область на 5 лет. В 1904 году участвует в известной Романовской истории. Амнистия 17 октября 1905 года освобождает его, и он с тех пор до самой смерти в 1906 году является активным работником в профессиональном движении. Теплов много писал в нелегальной прессе под псевдонимом «Сибиряк». Ему принадлежит брошюра о студенческих беспорядках в 1899 г. и известная книга о Романовской истории. (См. некролог Теплова в № 12 «Голос социал-демократа», февраль 1908 г.)

О Ю. Раппопорте, изданном им одном номере журнала «Социалист» в 1889 г. и в связях с ним Плеханова и Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 109—115.

11) До какой степени слабы были связи группы с революционными кружками в России, свидетельствуют материалы, опубликованные в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» (см. стр. 231 и след.). Аксельрод, на котором лежала обязанность разработки вопроса о формах движения и тактики, хватался за каждый удобный случай, чтобы связаться с Россией. Когда Ганелин, примыкавший к группе и живший в Женеве, желают завязать сношения с группой, он тотчас же сообщил об этом Аксельроду, и П. Б. тотчас же написал большое письмо к одесскому революционному кружку. Письмо это по назначению не дошло и было в извлечении напечатано в американской газете «Знамья», издававшейся русскими эмигрантами Миллером, Капланом, Никольским, Столетниковым, Горвицем, Кранцем и др.

В этом письме ясно доказывается оторванность группы от русского движения. Аксельрод там между прочим пишет: «За исключением явно обнаружившегося стремления одного слишком рано погибшего кружка стать в критическое отношение к господствующим»

щим у нас теориям и программам, я не слышал ни об одной попытке среди революционной молодежи последних лет в таком направлении» (стр. 232).

Аксельрод здесь имеет в виду группу Благоева, которая завязала переписку с группой «Освобождение Труда»; но в России в это время существовали и другие кружки: в Петербурге кроме наследников Благоева (Андреев и др.) работал Точисский, существовала группа марксистов-технологов, в Киеве тоже формировались первые соц.-демократические кружки, да и в остальной провинции кое-где встречались группки соц.-демократов. Они существовали конспиративно, и нужны были люди, которые от имени группы собрали бы эти силы, а таких людей группа-то и не создала.

В высшей степени интересно письмо П. Б. Аксельрода к варшавским соц.-демократам (Константиновский, Шумов, Виткинд, А. Залкинд, Махарадзе, Микадзе и др.). Варшавский студент соц.-дем. Израиль Моисеевич Пескин (известный под именем Сомова), живя в 1893 г. в Бельгии, обратился к Аксельроду с письмом, в котором ставились вопросы современного соц.-демокр. движения в России.

В ответ Пескину П. Б. Аксельрод и написал письмо, воспроизведенное в кн. «Из архива П. Б. Аксельрода» (стр. 237).

Из этого письма видно, что теперь, в 1893 году, уже и группа знает, что в России идет довольно значительное соц.-демокр. движение; это ясно из следующих слов Аксельрода: «Ваше письмо нас, поэтому, еще раз убеждает в крайней необходимости съезда за границей из делегатов от действующих в России революционных кружков и членов нашей группы».

Зная это, Аксельрод далее упрекает русских товарищей за то, что они не связаны с группой и с западно-европейским рабочим движением.

«От наших рабочих кружков,—пишет Аксельрод,—еще ни разу даже адреса с выражением солидарности не послано было ни интернациональным конгрессам, ни национальным (напр., германским или австрийским), хотя это очень легко было сделать при посредстве группы» (стр. 239).

Этот упрек тем более странен, что сама группа встречала с недоверием и подозрительностью всякие попытки русской молодежи повлиять на содержание работы группы; кроме того, русские соц.-демократические кружки конца 80-х годов (как, например, в Казани Скворцов, Федосеев, Санин и др.) развивались независимо от группы: они изучали Маркса и Энгельса не по изданиям группы, которых группа в Россию не доставляла, а по первоисточникам.

Интересно письмо Аксельрода к варшавянам и потому, что в нем говорится уже о давно пройденной стадии движения в России: подготовки соц.-демократов из передовой интеллигенции (что, впрочем, не мешает Аксельроду правильно квалифицировать буржуазную интеллигенцию вообще). Говорить об этом, пожалуй, было уже поздно в то время, когда в Харькове и Киеве выростали такие рабочие, как Ю. Мельников, а, напр., московская организация вынуждена была за отсутствием популярной рабочей литературы создавать и издавать ее собственными силами.

12) Стало быть, вопрос «о всех честных русских людях» для группы «Освобождение Труда» был не только теоретическим вопросом. Зимой 1891—92 г.г. Аксельрод приступил к организации «Общества борьбы с голодом». Как это видно из его переписки с Лавровым и из других документов (напр., из воззвания комитета Общества), это была попытка объединить все оппозиционные элементы в борьбе за конституцию.

«Общество задается целью поднять агитацию в пользу политической свободы, пользуясь современным кризисом в России. Оно имеет в виду содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам».

Слова эти принадлежат одному из деятельнейших сторонников группы, секретарю «Общества борьбы с голодом» Якову Кальмансону, но и Аксельрод высказывался по этому вопросу очень ясно и определенно.

«...Со стороны революционеров было бы непростительной ошибкой,—писал Аксельрод 31 дек. 1891 г. комитету «Общества борьбы с голодом»,—вернее, преступлением перед общественным знаменем, если бы они не воспользовались кризисом, переживаемым теперь Россией, в интересах возбуждения конституционно-демократической агитации — в обществе и народных массах. Только такая агитация и может повести к извлечению рус-

ского народа от постигшего его бедствия и превратить голод в орудие освобождения нашей родины от царского и чиновничьего деспотизма, сковывающего развитие ее экономических, интеллектуальных и нравственных сил. Успех этой агитации будет, конечно, в значительной мере зависеть от степени энергии и целесообразности способов деятельности революционных групп в среде нашей интеллигенции и рабочих».

Народовольцы довольно сдержанно отнеслись к попытке соц.-демократов объединить «всех честных русских людей», а холодная встреча этих попыток и в России со стороны русских соц.-демократов скоро показала группе «Освобождение Труда», что голод и связанная с ним политическая агитация еще далеко не достаточное средство для завоевания конституции. И в этом вопросе сказалась оторванность группы от России. (Об «Обществе борьбы с голодом» см. стр. 117 — 132 «Из архива П. Б. Аксельрода»).

13) Только через семь лет Г. В. Плеханов пришел к заключению, что в России много социал-демократов, что программа группы «Освобождение Труда» победила в России и принята не только социал-демократическими кружками, но и народовольческими. Вот что он говорит по этому поводу в своей книжке «Новый поход против русской социал-демократии» (изд. «Союза русских социал-демократов», Женева, 1897 г.): «Программа социал-демократов? Она напечатана за границей, на станке, принадлежащем эмигрантам,—на нее ссылаться нельзя, хотя напечатанная там в виде проекта, она на деле принята всеми работающими в России социал-демократическими кружками» (стр. 27). В сноске к этому месту Плеханов добавляет: «И даже—ох, увы, древнее благочестие! — многими народовольческими, что особенно плохо действует на настроение г. «старого народовольца».

Итак, программа группы «Освобождение Труда» принималась даже народовольцами, а вместе с тем в 1898 году находились социал-демократы; утверждавшие, что никакой программы у русских социал-демократов еще нет. Мы говорим о споре «экономистов» (Б. Кричевского, Акимова и т. д.) с Плехановым, споре, в котором, конечно, правда была целиком на стороне группы «Освобождение Труда». Но правда была на стороне группы «Освобождение Труда», и в то же время оторванность группы от России в конце 80-х и начале 90-х годов и самостоятельное развитие русских социал-демократических кружков без руководства группы завело их в тупик оппортунизма и привело на деле к отрицанию революционной сущности социал-демократии.

14) К характеристике того направления, которое, несмотря на личный героизм его выразителей, эмансипировалось, как и народовольчество конца 80-х годов, от социализма и превращалось в либерально-буржуазное течение мысли, очень кстати привести здесь в параллель с письмом И. Н. Присецкого выдержки из прокламации Софьи Гинзбург, забытой ею в магазине.

«Мы будем уничтожать,—говорится в этой прокламации,—всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободным словом в печати и свободной речью во Всероссийском Земском Собрании...

«... Наши стремления просты и легко достижимы: а) ограничение самодержавия Всероссийским Земским Собором, законодательным, выбирающим ответственных пред ним министров, и контролирующим все отрасли Государственного Управления и народной жизни; б) широкое местное городское и земское самоуправление; в) независимый суд. В отношении мер, неотложно необходимых, мы считаем на первом плане самое широкое распространение, без различия вероисповедания и пола, народного образования, во-первых, низшего земледельческого и технического; во-вторых, среднего с уничтожением классицизма, и, в-третьих, высшего общего и специального. Затем нужно отметить налоги, тяжело падающие на бедные классы общества. Сокращение численного состава армии и срока обязательной службы для солдат. Уничтожение паспортов. Бесплатное наделение безземельных и малоземельных крестьян казенными землями и лесом (фабр.). Средства к проведению реформ мы находим в сокращении массы ненужных расходов на армию и флот, строгой экономии в расходах и в продаже бесчисленных сокровищ никому ненужных дворцов, награбленных у народа» (Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, ч. 1, 1889 г., л. л. 16 и 17).

Конституция, ни слова не говорящая о демократической республике и не идущая далее конституционной монархии, как нельзя лучше показывает, что даже употребление

бомб и самая героическая смерть буржуазного революционера не меняет, не может изменить его буржуазной сущности. По словам Б. Рейнштейна, С. Гинзбург приехала в Россию с письмом П. Л. Лаврова к Н. К. Михайловскому, с которым ей после больших препятствий и удалось повидаться. Михайловский, как утверждает Б. Рейнштейн, и был автором прокламации, найденной в кошельке С. Гинзбург. О деле С. Гинзбург и о связях ее с Лавровым см. также в «Голосе Минувшего», 1917 г., № 7—8.

В. Невский.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР
Предисловие	3
1. В. Невский. Группа «Освобождение Труда» в период 1883 — 1894 г.г.	7
Приложения к статье В. Невского:)	
Речь Александровича (П. Б. Аксельрода) на социалистическом конгрессе в Хуре	64
Письмо И. Н. Присецкого в «Вольное Слово»	68
Ответ П. Б. Аксельрода на письмо И. Н. Присецкого	73
2. Н. Сергиевский. Группа «Освобождение Труда» и марксистские кружки	86
Приложения к статье Н. Сергиевского:	
«Письмо к товарищам» (Москва, 1884)	168
Изложение письма петербуржца к группе «Освобождение Труда» (1884)	181
Письмо петербургской рабочей группы парижским народовольцам (22 января 1885 г.)	182
Письмо редакции «Вестника Народной Воли» петербургской народовольческой рабочей группе (20 февраля 1885 г.)	183
Из доклада П. И. Рачковского от 9 марта 1885 г.	186
Из доклада П. И. Рачковского от 23 марта 1885 г.	187
Письмо группы «Освобождение Труда» группе Благоева (27 марта 1885 г.)	187
Письмо группы Благоева к группе «Освобождение Труда» (6 апреля 1885 г.)	189
Письмо петербургской рабочей группы в редакцию «Вестника Народной Воли» (8 апреля 1885 г.)	189
Письмо группы «Освобождение Труда» группе Благоева (12 апреля 1885 г.)	190
Доклад П. И. Рачковского от 17 мая 1885 г.	191
«Вопросы для уяснения и выработки программы социально-революционной партии в России»	191
Показания Д. Б. Рязанова (Гольдендаха) от 17 — 23 декабря 1891 г.	197
Доклад по делу Н. Д. Богданова и А. С. Филимонова от 20 июня 1892 г.	204
Донесение донского обл. жанд. упр. по делу ростовского кружка (Мотовиловского) от 26 июня 1890 г.	215
Показания М. А. Курелюка по делу ростовского кружка от 15 июня 1890 г.	220
Доклад по делу ростовского кружка (Алабышевского) от 19 августа 1894 г.	222
Записка нижегородского губ. жанд. упр. по делу А. А. Кузнецова	232
Из показаний А. А. Кузнецова (1896 г.)	240
Доклад П. И. Рачковского от 12 октября 1894 г. с приложением заметок А. А. Кузнецова	247
Доклад П. И. Рачковского от 16 марта 1895 г. с приложением письма Е. Е. Лазарева А. А. Кузнецову от 7 декабря 1894 г.	251
Прокламация нижегородского кружка «К рабочим завода Курбатова» (3 апреля 1896 г.)	258
Из переписки П. Ф. Теплова с Л. К. Агринскою	260
3. Л. Дейч. Черный передел. С предисловием В. Невского	267
4. Листовка о демонстрации 6 декабря 1876 г.	318
5. Листовки Г. В. Плеханова. Сообщил Ш. Левин.	
Проект адреса от студентов министру юстиции	322
Прокламация по поводу стачки на Новой Бумагопрядильне в 1878 г.	323
Прокламация от имени луганских казаков ко всем казакам	325

6. К делу Веры Засулич. Доклады шефа жандармов о В. И. Засулич от 24 и 25 января 1878 г.	323
Две листовки о покушении В. И. Засулич	331
7. Из переписки В. И. Засулич. Сообщила Э. Корольчук	337
8. «Зерно». Рабочий листок. С предисловием В. Невского	350
9. К истории отношений чернопередельцев и народовольцев. Сообщил Ш. Левин. Отрывок письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу	399
Замечания Л. Г. Дейча к письму П. Б. Аксельрода	402
Письмо В. И. Засулич Центральному Управлению Красного Креста Народной Воли от марта 1882 г.	394
Письмо В. И. Засулич Центральному Управлению Красного Креста Народной Воли от апреля 1882 г.	398
Письмо Голдовского (В. И. Иохельсона) от февраля — марта 1882 г.	404
Из показаний Я. В. Стефановича	405
10. «Русские социалдемократы» в 1879 г. Сообщила Э. Корольчук	412
11. Указатель	418

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Страница 128, последняя строка.

Напечатано: приложение № 17; следует: приложение № 16.

Страница 196, восьмая строка, сверху.

Пункт 4-ый в копии брошюры, находящейся в д. 3 делопр. 1887 г. № 495 и снятой с гектографированного ее издания, читается следующим образом: На какие силы думают они опираться при проведении социалистических реформ?

Страница 346.

Письмо В. И. Засулич к М. К. Крыловой ошибочно набрано, вместо обыкновенного шрифта петитом.